

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.И. Бобровский

Подготовка реформ в русской
греко-униатской церкви (1803 - 1827)

Опубликовано:
Христианское чтение. 1889. № 5-6. С. 720-764.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Подготовка реформъ въ русской греко-уніатской церкви (1803—1827 г.).

(Отвѣтъ профессору М. Кояловичу).

Въ пяти номерахъ „Церковнаго Вѣстника“ (9—13), въ статьѣ „Въ предстоящему пятидесятилѣтію воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ 1839 г.“ профессоръ М. Кояловичъ возражаетъ на статью П. І. Б., которая касается одного изъ нетронутыхъ въ нашей литературѣ вопросовъ ¹⁾. Цѣль статьи П. І. Б. и объемъ ея опредѣляются въ самомъ началѣ.

Авторъ П. І. Б. представилъ, въ сжатомъ очеркѣ, картину неуставной борьбы двухъ *направленій* въ русской униі—*базилианскаго ордена*, или партіи польской-аристократической и *благое духовенства*, или сторонниковъ русской народной партіи;—базилианскій орденъ стремится вести греко-уніатскую церковь въ своихъ *латинизаторскихъ цѣляхъ*, бѣлое духовенство старается разорвать эти цѣпи, чтобы отстоять цѣлостъ и неприкосновенность греко-уніатской церкви съ ея греко-восточными обрядами и церковно-славянскимъ языкомъ. Большая часть епископовъ и орденъ, имѣвшій самостоятельное устройство, постоянно опасались, что греко-уніатская церковь будетъ увлечена въ православіе и погибнетъ для Рима, слѣдовательно, пропадетъ ихъ вѣковая латинизаторская работа; бѣлое духовенство требовало очищенія обрядовъ отъ латинскихъ примѣсей и освобожденія церкви и школы отъ опеки

¹⁾ «Лит. Епарх. Вѣд.» №№ 49, 50 и 52 минувшаго 1838 г. и №№ 1—6 настоящаго года. Имѣются и особыя брошюры въ магазинахъ В. А. Березовскаго и Новаго Времени.

базиліанскаго ордена, который, доведя клиръ до униженія, угрожалъ гибелью и славянскому богослуженію. Тягостная борьба разрешилась высочайшимъ указомъ 9 октября 1827 г.; повелѣвавшимъ допускать еъ произнесенію монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, кои будеть доказано, что они имѣютъ достаточныя познанія въ языкъ славянскомъ и чинъ греческаго богослуженія и учредить училища для наставленія греко-уніатскаго юношества, какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ обрядахъ богослуженій на языкъ славянскомъ ²⁾. А затѣмъ 24 октября министръ Шишковъ, очевидно авторъ этого знаменитаго указа, предписалъ 2-му департаменту коллегіи привести высочайшій указъ въ исполненіе.

Въ трудѣ П. І. Б. установленъ особый періодъ: *противодѣйствіе базиліанскаго ордена стремленіямъ бѣлаго духовенства скинуть въ русской уніи латинизаторскія члны* (1808—1827 г.), но разрывая, однако, своей связи съ Римомъ, и въ этотъ самый періодъ опредѣлилась необходимость существенныхъ реформъ въ іерархіи, въ обрядахъ церкви, въ духовныхъ школахъ, не съ цѣлію перехода въ православіе, а съ цѣлію восстановленія въ церкви греко-славянскихъ обрядовъ и чистоты богослуженія на славянскомъ языкѣ, съ цѣлію утвержденія благоустройства и благочинія въ церкви; средства же для этой цѣли были давно предрѣшены цѣлымъ рядомъ указовъ и правительственныхъ распоряженій. Слѣдовательно, первоначальною основною цѣлію ориенталистовъ было спасти греко-славянскую церковь въ ея самобытныхъ формахъ и оградить отъ совращенія въ латинство; въ этомъ смыслѣ духовенство добивалось реформъ, но произведенныя для достиженія такой цѣли реформы привели уніатовъ къ *отпаденію отъ Рима и къ воссоединенію* съ православіемъ. Такой переворотъ совершился послѣ длиннаго ряда событій.

Такимъ образомъ въ исторіи русской греко-уніатской церкви XIX ст. два крупныхъ момента: 1) стремленіе къ реформамъ и ихъ подготовка и 2) направленіе реформъ на путь воссоединенія. Эти два

²⁾ 2 П. С. З. II, № 1449.

«Христ. Читн.», № 5—6, 1889 г.

періода нельзя смѣшивать между собою. Ни въ высочайшихъ указахъ 1795, 1804, 1827 годовъ, ни въ министерскихъ предложеніяхъ, ни въ дѣйствіяхъ 2-го департамента коллегіи, ни въ дѣятельности митрополитовъ—Лисовскаго, Кохановича, Булгака, архіепископа Красовскаго, ни въ дѣйствіяхъ епископовъ, капитуловъ и консисторій до указа 1827 года включительно нигдѣ нѣтъ и помину *о воссоединеніи*. По этому намъ совершенно непонятенъ тотъ приѣмъ, съ которымъ профессоръ М. Кояловичъ дѣлаетъ критическую оцѣнку статьи. Развивая свою теорію *о вдохновеніи*, онъ набрасываетъ густую тѣнь на дѣятелей предшедшаго періода исторіи уніи и представляетъ ихъ людьми и корыстными и неблагонадежными, и близорукими и нечестными³⁾... Враговъ церкви греко-славянскоѣ М. О. Кояловичъ смѣшалъ съ ея друзьями, даже болѣе—соединившись съ первыми, онъ старается уронить значеніе послѣднихъ. Такую теорію можно было, пожалуй, поддерживать лѣтъ тридцать, двадцать тому назадъ; въ нее увѣровали и успокоились, но не повѣрила и не успокоилась наука—исторія.

Истина не боится встрѣчи съ деспотизмомъ мнѣнія, пора обратиться къ архивамъ и въ нихъ искать причины и поводы извѣстныхъ явленій въ русской уніи XIX стол.

Пробѣлъ въ исторіи русской церковной уніи, именно въ періодъ ея подчиненія римско-католической коллегіи, до 1828 года, какъ мы не разъ говорили самому профессору, вредитъ интересамъ науки и затрудняетъ безпристрастную, объективную оцѣнку фактовъ позднѣйшаго періода исторіи этой церкви до ея воссоединенія въ 1839 году. Дѣло воссоединенія представится безъ украшенія риторическими фразами, когда мы дадимъ себѣ трудъ углубиться въ последовательный ходъ событій. Это обстоятельство не умаляетъ заслугъ лицъ, выдвинутыхъ обстоятельствами для совершенія воссое-

³⁾ Вообще критика профессора Кояловича совершенно выходитъ изъ рамки изслѣдованія П. І. В. Послѣдній доказываетъ, что унія въ Россіи держалась *только* базиліанскимъ орденомъ, какъ религиозно-политическимъ организмомъ. Онъ палъ, когда правительство отъ него отшатнулось, а паденіе ордена было началомъ къ воссоединенію, не смотря на то, что противники ордена вовсе не стремились къ воссоединенію.

днениа. Не ослабляет великаго значенія одного изъ достойнѣйшихъ іерарховъ въ русской униі.

Исторія имѣетъ свои законы, связь послѣдующаго съ предъидущимъ, слѣдствіе съ причиною, и всякое событіе, не вытекающее изъ минувшихъ явленій, подобно дереву, не имѣющему корной, усыхаетъ.

Заслуги и достоинства Іосифа Сѣмашки, Василя Лужинскаго, Антонія Зубки и другихъ дѣятелей тридцатыхъ годовъ не могутъ *исключать* событій, предшествовавшихъ началу реформъ, — отмежеванію униі отъ латинства, реформъ, подготовившихъ почву и посѣявшихъ сѣмена для будущей жатвы; не могутъ уменьшать заслугъ духовныхъ лицъ, подвизавшихся съ самоотверженіемъ на защитѣ правъ и подъемъ благосостоянія бѣдствовавшаго греко-униатскаго духовенства среди богатой польской шляхты и разбогатѣвшихъ на счетъ церковнаго имущества и латинствовавшихъ въ нихъ монаховъ.

Указаніе на въ высшей степени неблагопріятныя условія для самостоятельности униі въ православной Россіи и изображеніе движенія униатскаго вопроса въ непосредственной связи [съ общественнымъ движеніемъ и государственною политикою въ Россіи не загрозодитъ путей къ истинѣ, не разрушитъ столповъ зданія, напротивъ, такое изслѣдованіе укажетъ на существованіе прочнаго фундамента зданію, покажетъ, что это зданіе построено не на песокъ, объяснить, что дѣятели воссоединенія *воспитаны* были въ тяжкую для униі эпоху, когда ея бытіе и существованіе подвергались величайшей опасности. Оно напомнитъ потомкамъ о великихъ заслугахъ на пользу церкви ряда умныхъ и даровитыхъ подвижниковъ, которые покоятся въ родной странѣ, въ забытыхъ уже могилахъ.

Профессоръ Коаловичъ, критикуя П. І. Б., свалилъ въ одну кучу событія двухъ различныхъ по существу періодовъ, обходя дипломатически больное мѣсто въ униі, надъ которымъ собственно и производилась операція, именно *базилианскій орденъ*. Отыскивая недостатки дѣятелей, какъ бы подъ микроскопомъ, упрекая даже Тупальскаго за выгодное устройство своихъ дочерей (кактъ.

будто это относится къ дѣлу воссоединенія) умалчиваетъ о самомъ главномъ предметѣ — о разрушеніи силы ордена рядомъ ударовъ,

I.

Мы приглашаемъ профессора Кояловича сойти съ своихъ высокихъ подмостковъ, чтобы разглядѣть поближе и тотъ *материалъ*, и тотъ „дренной“ *цементъ*, которыми пользовался П. I. В., сооружая зданіе, смутившее своею новою архитектурою его душу, и заранѣе просимъ его не искать стремленія къ воссоединенію тамъ, гдѣ дѣло шло только о спасеніи уніи отъ расхищенія ея латинствовавшимъ орденомъ, о спасеніи церкви отъ искаженія въ ней греко-восточнаго богослуженія и отъ вытравленія въ богослуженіи величественнаго церковно-славянскаго языка. Известно, что лудкій епископъ Мартусевичъ крайне возмущался переходомъ прихожанъ своей церкви въ православіе, что дозволялось законами, и покровительствовалъ переходу прихожанъ въ латинство, чего не дозволялось законами. — Посмотрите дѣла 2-го департамента.

Греко-уніатовъ въ началѣ XIX столѣтія считалось до 3-хъ милліоновъ, а воссоединилось съ православіемъ только 1¹/₂ милліона! При чемъ было бы воссоединеніе, если бы въ католицизмъ перешли и остальные 1¹/₂ милліона? *)

*) «Латинскіе священники большею частью минской епархіи не только не исполняютъ указа 1807 г. и перешедшихъ въ латинскій обрядъ уніатовъ съ вѣдома епархіальнаго епископа Дедерки въ своихъ костѣлахъ исповѣдуютъ, преподаютъ онымъ требы, но и вновь совращаютъ въ латинскій обрядъ, сочетаваютъ браками, хоронятъ умершихъ и т. д. Виленская (уніатская) епархіа, составленная преимущественно изъ Минской губерніи, скоро останется безъ церквей и прихожанъ. Представленія консисторій остаются безъ всякихъ послѣдствій. Совращенныхъ было 19790 человекъ. Черезъ 5 лѣтъ также консисторіи доносила: «дѣло о совращеніи не двигается впередъ, нѣтъ помощи со стороны гражданской, и т. д. *Арх. Св. Синод. по 2 деп. 1814. № 14.* Что же дѣлали, зачѣмъ смотрѣли въ своихъ епархіяхъ епископъ Булгакъ и епископъ суфраганъ Головяя. Они молчали... А Сосновскій, еще въ 1804 и до 1809 г. велъ борьбу съ латинствомъ, отстаивая неприкосновенность уніи въ своемъ благочиніи. Вѣтъ процессы въ судахъ и на основаніи законовъ, доказавъ хищничество латинячъ. I. Кояловичъ

Епархіальныя семинаріі, Лавришовская и Свержанская, ввѣренныя наблюденію и руководству епископовъ изъ базилианъ, пришли въ совершенный упадокъ, обряды церковныя по греческому уставу измѣнялись по произволу, пѣніе на клиросѣ искажалось, въ ектеніяхъ вводились не свойственныя духу греко-славянской церкви молитвы и т. д.—Брестскій капулъ, основываясь на актѣ, утвержденномъ 19 августа 1780 г., протестовалъ противъ безобразій и безчинія въ церкви, обличая своего епархіальнаго епископа и его суфрагана въ бездѣйствіи и беззаботности къ дѣламъ епархіи и покровительствѣ базилианамъ, которые, располагая *секретными суммами*, не давали въ нихъ никому никакого отчета, окружая епископа „недремлющимъ окомъ“.

Монастыри, отказывая въ бездѣльцѣ на содержаніе греко-уніатскихъ клириковъ главной духовной семинаріи, охотно жертвовали капиталы на содержаніе публичныхъ свѣтскихъ школъ для католиковъ, на развитіе и обогащеніе Кременецкаго лицея, на распространеніе польскихъ книгъ религіознаго содержанія, на поддержаніе библейскихъ комитетовъ, распространявшихъ книги св. Писанія на польскомъ языкѣ ⁵⁾, на благотворительныя учрежденія для шляхты, а между тѣмъ вдовы и сироты уніатскихъ священниковъ умирали съ голода, сыновья священниковъ, лишеныя образованія, обращались въ праздноватающихся, переходили въ крѣпостное состояніе. На это жаловался Сосновскій. А что дѣлали епископы? Молчали... Что дѣлалъ департаментъ? Отсылалъ жалобы къ епископу...

Въ русской уніи XIX столѣтія дѣла іерархіи ея нельзя отдѣлять и отъ базилианъ, и отъ дѣлъ народнаго просвѣщенія. И базилианскій орденъ, благодаря своей *вспитательной роли*, поль-

вовсе невнамомъ съ біографіей этого самаго виднаго и ретиваго защитника греческихъ уставовъ въ церкви и славянскаго языка въ богослуженіи.

⁵⁾ Епископъ Головня покупалъ Новый Заветъ на польскомъ языкѣ и распространялъ его между уніатами, а Сосновскій имѣлъ въ своей Клещельской церкви исключительно только церковно-славянскія богослужебныя книги и при томъ лучшихъ изданій, всего 20 книгъ. См. *визиту 1819 года*.

зовался особымъ покровительствомъ министровъ: графа Заводовскаго, графа Разумовскаго, князя Голицына и попечителей виленскаго учебнаго округа князя А. Чарторыйскаго и Н. Новосильцова. Отношеніе же этихъ государственныхъ людей къ дѣлу просвѣщенія въ западной Россіи вообще и къ уніатамъ въ частности выражалось противодѣйствіемъ планамъ и предположеніямъ митрополита Лисовскаго, основаннымъ на упраздненіи, во имя спасенія уніи отъ расхищенія, значительнаго числа базилианскихъ монастырей. Этотъ планъ въ 1804 году былъ одобренъ императоромъ Александромъ I. Никому изъ епископовъ-латинизаторовъ не было охоты отстаивать реформы. Но ихъ требовали брестскія каноники. Обнаруживаются некрасивыя дѣла епархіальнаго епископа Будгака. Лисовскій въ 1809 г. ходатайствовалъ о занятіи св. Троицкаго виленскаго монастыря на епархіальную семинарію и каеэдру, такъ какъ зданія бывшей греко-уніатской каеэдры и самая церковь (Спасская) вмѣстѣ съ плацами не законно переданы были епископомъ Будгакомъ виленскому университету (подъ скотолечебницу!); тѣмъ же епископомъ незаконно продано было своему родственнику Пусловскому зданіе бывшаго импскаго алуманата. Ходатайство Лисовскаго отклонено министерствомъ. Представленіе его о подчиненіи уніатовъ оберъ-прокурору св. Синода, отклонено Голицынымъ. Обнаруживается систематическое противодѣйствіе базилианъ правительственнымъ постановленіямъ. Объясняется зависимость оберъ-прокурора св. Синода, а послѣ министра князя Голицына отъ іезуитскаго ордена. Какъ іезуитскіе генералы Груберъ и Березовскій умѣли эксплуатировать для цѣли своего ордена мягкосердечныхъ русскихъ вельможъ той эпохи, такъ и брестскій епископъ Будгакъ и литовскій провинціалъ Каминскій умѣли скоро и легко отыскивать покровителей для базилианскаго ордена.

Нельзя такъ обобщать дѣла русской уніи XIX столѣтія, какъ дѣлаетъ г. Бояловичъ. Каждая епархія и каждая базилианская провинція вела свои дѣла особо; базилианскій орденъ не признавалъ ни авторитета епархіальныхъ епископовъ, ни власти 2-го департамента римско-католической коллегіи, ни высочайшихъ указовъ. Вліяніе архіепископа, а затѣмъ митрополита Лисовскаго и

архієпископа Красовскаго, которымъ удалось подавить (но не уничтожить) базилианскій орденъ въ *своей* полоцкой епархіи, было чрезвычайно слабое на прочія епархіи—брестскую, виленскую (съ 1810 г.) и луцкую. Въ нихъ епископы Булгакъ, Головня и Мартусевичъ, слѣдуя программѣ іезуитовъ, поддерживали базилианскій орденъ и всѣми способами противодействовали осуществленію плановъ Лисовскаго, не обращая никакого вниманія на нужды блага духовенства. Базилианскіе провинціалы не выпускали изъ рукъ своихъ епархіальныхъ семинаріи и привели ихъ въ самое жалкое состояніе. Когда же брестскій епископъ Булгакъ занялъ митрополию каеодру и въ качествѣ предсѣдателя 2-го департамента (уніатскаго) въ р.-к. коллегіи, переселился въ столицу, когда луцкій епископъ Мартусевичъ замѣстилъ архієпископа полоцкаго Красовскаго, тогда все то, что сдѣлано было хорошаго на пользу церкви Лисовскимъ и Красовскимъ въ полоцкой епархіи подвергалось осужденію и преслѣдованію со стороны епархіальныхъ начальниковъ. Самъ по себѣ 2-й департаментъ въ теченіе своего 25 лѣтняго существованія не имѣлъ твердаго, самостоятельнаго положенія; въ 16 лѣтъ онъ не могъ собрать точныхъ свѣдѣній даже о церковномъ имуществѣ; онъ неспособенъ былъ заставить провинціаловъ исполнять свои указы: „монахи не повинуются высочайшимъ указамъ“ писалъ офиціалъ Сосновскій. И за это получилъ нахлобучку отъ 2-го департамента. Департаментъ писалъ новые указы, провинціалъ отписывалъ новыя объясненія, и по прежнему продолжалъ не исполнять указа о доставленіи свѣдѣній... Эти указы базилианы можно сказать клали подъ сукно. Что же дѣлали члены коллегіи? Молчали или писали выговоры... Въ епархіяхъ между базилианскою консультою и консисторіей не было никакой связи—ни фактической, ни юридической. Беспорядочность въ центральномъ управленіи дѣлами греко-уніатской церкви поддерживала смуты въ іерархіи и способствовала только усиленію раздоровъ между бѣлыми и монашествующимъ духовенствомъ. Столкновенія чисто служебнаго свойства объясняли *личными счетами!*..

Опасность для самаго существованія греко-уніатской церкви въ Россіи отъ самовластия монашескаго ордена, который въ существѣ

своемъ почти не отличается отъ іезуитскаго, вполне выясняется изъ цѣлаго ряда дѣлъ архива св. Синода по 2-му департаменту ⁶⁾. Изъ этихъ дѣлъ достаточно видно—*кто именно* въ это смутное время (съ 1810 по 1826 г.) продолжалъ дѣло митрополита Лисовскаго, кто не молчалъ, кто сдерживалъ греко-уніатскую церковь отъ гибели, послѣ того когда архіепископомъ Красовскій, онутанный базилианскою клеветою и преслѣдуемый своими врагами Голицынымъ и Булгакомъ, Шулякевичемъ и Мудровичемъ томился въ Петербургѣ. Луцкій капитулъ былъ только для счета: епископы Мартусевичъ и Сѣроцинскій придавили свѣтскій клиръ луцкой епархіи. Полоцкіе протопресвитеры растерялись, ихъ Мартусевичъ заставилъ отмигать порядки, введенные Лисовскимъ и Красовскимъ!...

Другой источникъ *архивъ министерства народнаго просвѣщенія* служитъ дополненіемъ и поясненіемъ къ дѣламъ архива св. Синода. Министерство народнаго просвѣщенія въ то время охотно пользовалось усердіемъ многочисленныхъ монашескихъ сословій, владѣвшихъ громадными капиталами и богатыми населенными имѣніями. Отсюда понятно и то покровительство, которымъ базилианскій орденъ пользовался въ правленіи училищъ, а съ 1817 года въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Министръ князь Голицынъ, относясь недружелюбно къ православнымъ монахамъ (фонъ-Геце приводитъ его рѣзкое сужденіе о нихъ) и оцѣнивая достоинства и заслуги православныхъ архіереевъ по отношенію ихъ къ Россійскому библейскому обществу, поддерживалъ усердно іезуитовъ, базилианъ, піаровъ и другихъ просвѣтителей западной Россіи; большую часть чиновниковъ министерства составляли иностранцы, для которыхъ виленскій учебный округъ былъ частью Польши. Въ угоду доминиканамъ и базилианцамъ директоръ департамента Поповъ собирался закрыть единственный богословскій

⁶⁾ Укажемъ на 40 болѣе важныхъ дѣлъ: 1807 г. № 29, 1808 г. № 26, 1809 г. № 4, 20, 1810 г. № 6, 13, 29, 1813 г. № 12, 21, 1814 г. № 3, 14, 35, 1815 г. № 6, 9, 41, 1816 г. № 49, 1818 г. № 39, 1819 г. № 5, 13, 36, 22, 33, 41, 44, 1821 г. № 8, 18, 20, 1822 г. № 61, 1823 г. № 9, 1825 г. № 57, 1826 г. № 20, 66, 71, 77, 82, 1829 г. № 77, 79, 97, 109. Нами же рассмотрѣно болѣе 200 дѣлъ и послужные списки.

институтъ—главную семинарію, когда не видѣлъ возможности облегчить тягости богатыхъ монастырей на счетъ бѣднаго приходскаго духовенства! Булгакъ и базилианскіе провинціалы въ качествѣ вице-президента и членовъ російскаго библейскаго общества старались доказать министру-президенту библейцевъ свое усердіе въ распространѣніи религіозныхъ книгъ на польскомъ языкѣ между русскими западной Россіи. Базилианскіе монахи становились ревностными мистиками. Архіепископъ Красовскій не пожелалъ быть библейцемъ и попалъ подъ судъ. Г. Кояловичу должны быть извѣстны эти факты.

По нашему мнѣнію вопросъ греко-уніатскій въ александровскую эпоху и въ первые годы царствованія императора Николая I никакъ нельзя отдѣлять не только отъ народнаго пресвѣщенія, но и отъ общественнаго движенія, особенно же отъ растлѣвающей дѣятельности библейскихъ комитетовъ, благотворительныхъ учреждений и масонскихъ ложъ. Нельзя понимать русскую унію XIX столѣтія такъ, какъ понимаетъ ее авторъ литовской церковной уніи XVII и XVIII ст. По этому мы не можемъ довольствоваться отрывочными и лишенными прагматической связи указаніями г. Кояловича, который, распространяясь объ *эпохѣ воссоединенія* (1828—1839 г.), касается событій первой четверти XIX столѣтія, вскользь, неувѣренно, какъ бы мимоходомъ и притомъ съ чисто субъективной точки зрѣнія. Въ изслѣдованіяхъ историческихъ событій мы предпочитаемъ обращаться къ первымъ источникамъ, принимать въ соображеніе всѣ явленія и повѣрять по источникамъ показанія разныхъ писателей, самаго противоположнаго направленія. Къ секретной же перепискѣ мы относимся крайне недоувѣрчиво, такую переписку нужно тщательно провѣрять по секретнымъ документамъ. Профессору Кояловичу нельзя не знать, сколько непріятностей приходилось пережить греко-уніатскимъ священникамъ въ виленской и брестской епархіяхъ, съ того времени, когда правительство предложило устроить епархію на счетъ базилианскаго ордена и когда виленскіе базилианы захватили въ свои сѣти Новосильцова.

Въ подкрѣпленіе къ архивнымъ документамъ объ уніи служилъ

намъ разные историческіе труды и монографіи, перечислять ихъ вѣтъ надобности: они достаточно извѣстны г. Кояловичу. Заѣмъ только, что въ послѣдніе 20 лѣтъ появилось нѣсколько капитальныхъ трудовъ, объясняющихъ эпоху Александра I, столь богатую событіями ?).

Единственными хранителями русской народности, при беззавѣтной любви къ греко-славянскому богослуженію, были прихожане бѣлоруссы, черноруссы и малоруссы, съ своимъ бѣлымъ духовенствомъ приближеннымъ, забитымъ, угнетеннымъ.

Нигдѣ крѣпостное право не отличалось такою жестокою суровостью, какъ въ западной Россіи, подчинявшейся дѣйствию отжившаго свое время и къ тому-же искаженнаго іезуитами русскаго законодательства, извѣстнаго подъ именемъ Литовскаго Статута, нигдѣ духовные греко-уніатскіе пастыри не были придавлены такою зависимостью отъ помѣщиковъ и етиторовъ (нѣкогда людей русскіхъ и православныхъ, а теперь латынянъ), какъ въ этой окраинѣ, которую сами русскіе правители считали частью Польши и усердно содѣйствовали латино-польскимъ монастырямъ къ насажденію польской цивилизаціи и совращенію уніатовъ въ латинство!

Мы не находимъ указаній на эти обстоятельства въ греко-уніатской церкви у автобіографовъ, митрополита Іосифа Сѣвашки и архіепископа Василія Лужинскаго, сочиненія которыхъ, безъ сомнѣнія, служатъ прекраснымъ пособіемъ, особенно записки перваго, собственно только для эпохи *возсоединенія*. Почти такое же литературное значеніе, по нашему мнѣнію, имѣетъ записка или статья объ уніи Антонія Зубки, съ нѣкоторыми эпизодами изъ современнаго ему быта уніатовъ. Всѣ эти главные дѣятели возсоединенія происходили изъ бѣлаго духовенства и получили образованіе въ главной духовной семинаріи. Лужинскій и Зубко принадлежали полоцкой епархіи, а Іосифъ Сѣвашко—луцкой; о дѣлахъ брестской

?) Укажемъ на труды Пыпина, Сухомлинова, фонъ-Гетца, Шмидта, Стоюнина, на записки адмирала Шишкова, на мемуары и переписку князя А. Чарторыйскаго. Кромѣ того, въ нашихъ рукахъ было нѣсколько брошюръ на польскомъ языкѣ, имѣющихъ оффиціальныи характеръ—это разные отчеты о библейскихъ комитетахъ западной Россіи, вѣкъ не тронутые въ литературѣ.

епархіи они могли знать только или по наслышкѣ, или изъ донесеній виленской и брестской консисторій, развернувшихъ весь плачь реформъ. Всѣ трое проживали въ столицѣ—Іосифъ Сьмашко съ сентября 1822 года, Антоній Зубко съ іюля 1825 по 1829 г., Василій Дужинскій съ февраля 1822 по 1824 г., т. е. въ самый разгаръ реакціи: сочувствіе къ возставшимъ грекамъ, осужденіе колонизаторской системы народнаго просвѣщенія въ западной Россіи и дѣятельности библейцевъ, паденіе князя Голицына, проектированіе реформъ учебной системы имперіи на началахъ національныхъ. Ни одинъ изъ автобіографовъ не счелъ нужнымъ отмѣтить о крутомъ поворотѣ въ правительственной политикѣ.

Въ началѣ минувшаго года въ наши руки попалъ новый цѣнный источникъ, который мы разыскивали въ теченіи безъ малаго *тридцати пяти лѣтъ*, это собраніе важнѣйшихъ писемъ Михаила Бобровскаго, профессора св. Писанія и библейской археологіи, протопресвитера Жировицкой каедрн^а, начатое въ Вильнѣ съ 1830 г. и оконченное въ 1847 году (за годъ до кончины). Онъ принадлежалъ брестской епархіи. Въ его письмахъ къ епископу Іосифу Сьмашкѣ, ректору Антонію Зубкѣ, предсѣдателю консисторіи Тунальскому, протоіерею Сосновскому, настоятелю Св.-Троицкаго монастыря Виктору Босяцкому, встрѣчаемъ нѣсколько данныхъ не только для исторіи воссоединенія, но для эпохи предшествовавшей, нами разсматриваемый. Указанія ученаго уніата, занимавшаго видное положеніе въ русской уніи и пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ дѣлахъ уніи^а), чрезвычайно важны, какъ очевидца событій и непосредственнаго участника въ борьбѣ брестскаго капитула съ базилианами, въ такое время, когда отъ базилианъ требовалось самопожертвованіе для общаго блага своей братіи блага духовенства. Упреки, сдѣланные настоятелемъ Св.-Троицкаго монастыря Викторомъ Босяцкимъ бѣлому духовенству (въ томъ числѣ и ему—Бобровскому) *по поводу реформъ, которыя повели за собою паденіе ордена и угасаніе уніи*, побудили Бобровскаго

^а) Намъ крайне удивляетъ малое знакомство г. Кояловича съ этою крупною личностію въ русской уніи.

въ своемъ отвѣтъ 21 февраля 1835 г. изложить въ общихъ чертахъ все теченіе дѣла о реформахъ, начиная отъ митрополита Лисовскаго, и доказать, что не отъ *реформы обрядовъ* зависитъ у насъ (въ Россіи) бытіе и существованіе униі. Подписка же епископовъ показываетъ, что *уже конецъ униі* (juz po unii). Въ этомъ письмѣ очерченъ образъ дѣйствій брестскихъ канониковъ, съ указаніемъ нѣкоторыхъ мотивовъ, приведшихъ унию къ упадку. Первый толчекъ данъ Лисовскимъ и Красовскимъ. Кохановичъ не могъ сдѣлать многого. Далѣе идетъ исторія о дѣйствіяхъ брестскаго капитула, о представленіяхъ Сосновскаго и т. д. Съ этимъ письмомъ Бобровскаго совпадаютъ всѣ документы архива 2-го департамента коллегіи. Въ заключеніе своего письма онъ совѣтуетъ Босацкому заняться изученіемъ своего архива. Ему ближе чѣмъ кому либо другому извѣстны дѣла ордена въ послѣднее время“.

Намъ неизвѣстно, исполнял ли также и А. Тупальскій предложеніе протоіерея М. Бобровскаго въ письмѣ къ нему отъ 18 февраля 1839 г. о составленіи мемуаровъ: „никто лучше васъ не знаетъ всѣхъ событій“ (Тупальскій управлялъ епархіей съ 1807 года). Полезно было бы очертить (in cundo) біографіи митрополитовъ, начиная отъ Лисовскаго, и епископовъ, объяснивъ, что сдѣлалъ каждый для блага церкви или во вредъ ей. „Базиліанскій орденъ много, а можетъ быть болѣе всего способствовалъ паденію униі“. „Слѣдуетъ представить и его дѣятелей. Трудъ этотъ былъ бы драгоценнымъ для потомковъ“. Безъ сомнѣнія онъ былъ бы и назидательнымъ. Многое стало бы яснымъ и простымъ. Не имѣется даже біографій. Намъ извѣстно о существованіи еще мемуаровъ протоіерея Янковскаго, но видно еще не время и имъ появляться въ свѣтъ...

Обратимся къ *цементу*, который профессору М. Коляловичу такъ не нравится въ трудѣ П. І. В., представляясь ему даже „дреннымъ“.

Государственной политикой, социальнымъ бытомъ духовенства и подъемомъ духовнаго образованія свѣтскаго міра связываются и вѣрно освѣщаются всѣ событія въ русской униі, со времени раздѣловъ Польши до знаменитаго указа 9 октября 1827 года.

До изгнанія іезуитовъ, въ 1820 году, политическія комбинаціи въ связи съ внѣшними войнами и внутренними явленіями общественнаго быта благопріятствовали базилианскому ордену, какъ особеному религіозно-политическому организму въ тѣхъ именно областяхъ, отошедшихъ отъ Польши, въ которыхъ господствовали базилианы, а не іезуиты, т. е. въ литовской Руси, въ Волыни и въ Подолѣ. Шаткое положеніе базилианскаго ордена,¹ которымъ держалась унія и который поддерживалъ унію въ Россіи, утвердилось предоставленнымъ ему правомъ на общественное воспитаніе мірянъ и снисходительностью высшей духовной власти къ пополненію ордена лицами, преимущественно дворянами, римско-католическаго происхожденія. Ничего тутъ не могли сдѣлать ни митрополиты Лисовскій и Кохановичъ, ни архіепископъ Красовскій. Князь Голицынъ признавалъ нужнымъ въ видахъ благотворительныхъ учреждать монастыри Шаритокъ и Маріонитокъ и обогащать ихъ фундушами въ такое время, когда римско-католическій митрополитъ Сестренивичъ только и ждалъ удобной минуты для закрытія многочисленныхъ римскихъ монастырей въ западной Россіи. Послѣ возстанія грековъ и другихъ событій въ Европѣ, рѣшительно прекращается поддержка правительствомъ базилианскаго ордена, быстро надаетъ протекція князя Голицина, а когда управление дѣлами русской греко-уніатской церкви перешло въ руки Александра Семеновича Шишкова, знаменитаго патріота Отечественной войны и самаго усерднаго поклонника славянской науки въ Россіи, когда въ правительственныхъ сферахъ столицы развилась реакція противъ російскаго библейскаго общества, когда имъ Голицынъ и утвердилась сила Аракчеева, базилианскій орденъ, наиболее сильный въ литовской Руси, представляемый энергическимъ провинціаломъ Каминскимъ, поддерживаемый еще Булгакомъ, потерялъ вдругъ свою устойчивость, послѣ того когда доказана была злобредность его латинскихъ институтовъ. Такому явленію способствовала твердая, чисто національная политика императора Николая I. Государь, сочувствуя Шишкову, быстро потушилъ глубоко развившуюся интригу въ столицѣ, возстановилъ архіепископа Красовскаго, возвратилъ въ Вильну профессора Боб-

ровскаго ⁹⁾ и уже 9 октября 1827 года разрубилъ тотъ крѣпкій узелъ, которымъ стянута была русская греко-уніатская церковь, въ интересахъ латинства, въ теченіе цѣлаго столѣтія, т. е. со времени замойскаго собора 1721 года. Никогда брестскій капитулъ не ставилъ цѣлю своего плана воссоединеніе. Его цѣлю было спасеніе уніи въ литовской Руси *отъ самовластія базилианъ*. Паденіе ордена, вызванное дѣйствіями Лисовскаго и Красовскаго въ полоцкой епархіи, дѣятельностію Тунальскаго, Основскаго и Бобровскаго въ брестской и виленской епархіяхъ, приготовило *почву для необходимыхъ и реформъ*. Исполнители реформъ Іосифъ Сѣмашко и Лужинскій, согласно видамъ государственной политики, повели уніатовъ къ воссоединенію. Такова вся канва исторіи уніи XIX столѣтія, тутъ мы видимъ два періода.—Періодъ борьбы ориенталистовъ съ латинизаторами изъ за реформъ (1803—1827 г.) и періодъ приведенія въ исполненіе реформъ до воссоединенія съ 1828 по 1839 годъ. Второй періодъ отъ перваго отдѣленъ рѣзкою гранью.

Въ *соціальному бытію греко-уніатскаго духовенства* мы видимъ, съ одной стороны, крайній упадокъ монашеской дисциплины, непожѣрную роскошь и тунеядство въ монастыряхъ, вымирание физическихъ и нравственныхъ силъ, вмѣшательство въ дѣла политическія и фанатизмъ касты, считавшей греко-уніатскую церковь средствомъ для утвержденія власти Рима надъ русскими племенами, а съ другой—крайне бѣдное и вмѣстѣ съ тѣмъ приниженное бѣлое духовенство, бытъ котораго, по отзывамъ современниковъ, отличался отъ крестьянъ только тѣмъ, что уніатскіе священники не были крѣпостными батраками; но увы! были многіе случаи перехода сыновей бѣдныхъ уніатскихъ священниковъ въ крѣпостное состояніе (графъ Толстой „Le Cathol. Rom.“ II). Такова судьба и многихъ русскихъ дворянъ, до конца остававшихся въ уніи!.. Не даромъ провинціалъ Каминскій называлъ свой орденъ „аристократическимъ“,

⁹⁾ Виновникомъ своего несчастія (1824 г.) профессоръ Бобровскій считалъ Пеликана. Такъ въ послѣдствіи онъ писалъ епископу Іосифу Сѣмашкѣ, по поводу своей учебной дѣятельности: «прости Господи Пеликану, автору моихъ прегрѣшеній». *Собр. писемъ*.

доступнымъ только для польской шляхты, а не для дѣтей священниковъ, для „поповичей“ ¹⁰⁾).

Распущенность базилианскихъ монаховъ, превозносившихся надъ священниками, доказывается рядомъ дѣлъ въ архивѣ св. Синода и особенно послужными списками. Неприятно даже и читать эту аттестацию и неудобно въ печати ее цитировать. Самъ провинціалъ Романовичъ въ рапортѣ 14 апрѣля 1809 г. № 71 доносилъ: „Со стыдомъ долженъ сказать, что между монахами многіе развратнаго поведенія и дурной жизни и трудно уже ихъ исправить: съ давнихъ временъ они погрязли въ дурныхъ привычкахъ и порокахъ ¹¹⁾“. Въ началѣ 20-хъ годовъ въ Сурапольскомъ монастырѣ не осталось ни одного здороваго монаха, который могъ бы совершать духовныя требы, для совершенія богослуженія, приходилось приглашать сосѣднихъ священниковъ!—Въ 1825—1826 гг. въ Жировицкомъ монастырѣ происходили удивительныя сцены: монахи богохульствовали на Спасителя и Божию Матерь.—Одного монаха настоятель наказалъ 150 ударами плетей и приковалъ цѣпью къ стѣнѣ за то, что онъ хотѣлъ открыть цесаревичу Константину Павловичу важную государственную тайну (1826 года). Почаевская типографія въ славянскомъ служебникѣ (съ Львовскаго изданія) помѣщала миссіонерскія пѣсни, превозносившія римскую церковь надъ всѣми; и епископы утверждали печатаніе такихъ служебниковъ.

Осылаемъ еще на сочиненіе одного католическаго прелата: „Zbiór wiadom. o relig. i Kośc. katolick.“. Прочтите г. Кюловичъ все что здѣсь сказано о монашескихъ сословіяхъ двадцатыхъ годовъ: упадокъ дисциплины, пьянство, интриги, доносы, побѣги и т. д. Было надъ чѣмъ призадуматься брестскимъ каноникамъ, видѣвшимъ какъ губили церковное благочиніе тѣ, которые должны хранить святость и чистоту жизни.

Несравненно выше въ нравственномъ отношеніи было бѣлое

¹⁰⁾ Сосновскій не разъ представлялъ, что провинціалъ продолжаетъ набирать въ орденъ латывянъ, а бѣдные сироты священниковъ погибаютъ!..

¹¹⁾ «Od dawnego czasu w narowu iprzywary znaczne zasztuch».

духовенство. Хорошо известны монографіи Плакида Янковскаго, на-
примѣръ: „На рубежѣ“; вмѣстѣ съ свѣдѣніями, собранными нами
отъ старожиловъ въ 1861—63 годахъ, они даютъ понятіе о бытѣ
сельскаго духовенства, въ первую четверть XIX ст. Строгость и
чистота нравовъ въ семьѣ, гдѣ докторъ богословія не гнушался
пахать землю, чтобы помочь своему престарѣлому отцу, безире-
кесловное повиновеніе взрослыхъ дѣтей власти своихъ родителей,
поученія своихъ прихожанъ на малорусскомъ, чернорусскомъ или
бѣлорусскомъ языкахъ, съ самою чистою моралью, беззавѣтная по-
корность волѣ Вожеій...

Безъ сомнѣнія и въ средѣ бѣлаго духовенства, паче всего въ
городахъ, въ двадцатыхъ годахъ, уже являлось стремленіе подра-
жать латинскимъ патерамъ и шляхтѣ, прокрадывалась польская
пропаганда и ею были увлечены нѣсколько молодыхъ людей, вку-
сившихъ плоды латино-польской цивилизаціи. Но все это были только
единицы, частицы, оторванныя отъ здороваго тѣла. Старѣйшіе и
наиболѣе вліятельные представители брестской епархіи въ патриар-
хальномъ быту своей семьи твердо хранили отеческія преданія ¹²⁾.
Мы не приводимъ ряда *старѣйшихъ* греко-уніатскаго духо-
венства брестской епархіи (близко намъ знакомой), въ семействахъ
которыхъ польскій языкъ имѣлъ такое же значеніе, какимъ поль-
зовался въ то время языкъ французскій въ просвѣщенномъ обще-
ствѣ Россіи. Они не занимали оффиціальнаго положенія, но имѣли
авторитетный голосъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ: они сами или
отцы ихъ еще помнили, что носили бороды и ходили въ рясахъ.
Члены брестскаго капитула знали очень хорошо, что дѣлали, когда
писали свои протесты противъ самовластиа базилианъ. Да, они от-
стаивали только *цѣлость греко-уніатской церкви и ея непри-
косновенность*—для ихъ вѣка не малая заслуга, при известныхъ
заблужденіяхъ нашей политики до 1822 года, и въ томъ, что они
охраняли свою церковь, продолжая называть ее русскою.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о духовномъ просвѣщеніи.

¹²⁾ На эту сторону необходимо обратить вниманіе изслѣдователю;
она объясняетъ и легкость перехода массъ уніатонъ въ православіе,
не видя на витриги латинизаторовъ.

Подъемъ богословскаго образованія въ свѣтскомъ клирѣ начнется со второй половины прошедшаго столѣтія, благодаря столь ненавистной базилианскому ордену и нѣкоторымъ епископамъ (латинизаторамъ) буллѣ папы Венедикта XIV „*Inter plures*“. Такая забота римскаго первосвященника о свѣтскомъ клирѣ, по нашему убѣжденію, была первымъ ударомъ базилианскому ордену въ западной Россіи; гибельныя для него послѣдствія отъ усиленія просвѣщенія въ высшемъ духовенствѣ окончательно разразились въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Достаточно сказать, что палскій алузнатъ, назначенный для богословскаго образованія нѣсколькихъ клириковъ отъ каждой епархіи, съ цѣлю замѣщенія должностей при епископахъ (по мысли того-же папы Венедикта XIV), далъ униі полоцкаго архіепископа *Г. Красовскаго* и брестскаго оффиціала *Антонія Тупальскаго*, (оба были товарищами по школьной скамьѣ); онъ далъ и другихъ дѣятелей въ полоцкой и брестской епархіяхъ, менѣе замѣтныхъ въ іерархіи, но устойчивыхъ въ охраненіи греческихъ уставовъ и славянскаго богослуженія (таковы нѣкоторые бѣлорусскіе протопресвитеры и члены брестскаго капитула).—Правда, что изъ того же алузната вышелъ и Кириллъ Сѣроцинскій, сочувствовавшій вмѣстѣ съ своимъ епископомъ Мартусевичемъ (воспитанникомъ іезуитовъ) базилианамъ и гнавшій бѣлое духовенство. Но подобнымъ дѣятелямъ старѣйшины бѣлаго духовенства не симпатизировали и скорбно смущались ихъ латинизаторскими приѣмами. Молодое поколѣніе священниковъ, просвѣщенныхъ реакціоннымъ духомъ въ главной духовной семинаріи, пошло далѣе: они, не смущаясь, отпали отъ Рима сами и повели за собою массы къ воссоединенію.

Въ началѣ XIX столѣтія, въ С.-Петербургѣ учрежденъ былъ особый комитетъ изъ трехъ сенаторовъ: графа Строгонова, графа Головнина и графа Ильинскаго, для устройства епархіальныхъ семинарій, пришедшихъ въ совершенный упадокъ въ бывшей Рѣчи посполитой. Въ проектѣ сенаторовъ, поступившемъ къ министру народнаго просвѣщенія, исчислено на содержаніе 3 униатскихъ и 6 католическихъ семинарій до 148,000 руб. Когда же дѣло дошло до назначенія источниковъ, то епископы предложили наложить контрибуцію на приходское духовенство. При такомъ положеніи

дѣла, князь Чарторыйскій представилъ императору Александру I записку (29 апрѣля 1803 г.) объ учрежденіи при виленскомъ богословскомъ отдѣлѣ главной духовной семинаріи, съ тѣмъ, чтобы содержали ее монашескія сословія, располагавшія громадными капиталами, массою крѣпостныхъ и большими доходами ¹²⁾. Мысль эта понравилась императору Александру I. Главная семинарія была учреждена и на ея содержаніе опредѣлено 15,000 руб. сер. (изъ коихъ до 5,000 падало на доходы базилианскихъ монастырей). Воспитанникамъ семинаріи предоставлены большія преимущества: неженатые могли достигать архіерейскаго сана. Богословское образованіе въ главной семинаріи проникнуто было реакціоннымъ направленіемъ духовныхъ школъ сосѣдней австрійской монархіи. Поматнувшаяся въ Европѣ свѣтская власть наши не безпокоила профессоръ главной семинаріи въ той степени, какъ въ монастырскихъ студіяхъ: тутъ господствовала средневѣковая схоластика, но въ главной семинаріи Алоизій Канелли, Ходани, Клонгевичъ разбивали устарѣлыя теоріи ультрамонтанства, подрывали авторитетъ Тридентскаго собора.

Около 20 лѣтъ князю Чарторыйскому приходилось отстаивать существованіе главной семинаріи противъ нападеній епископовъ и провинціаловъ монашескихъ сословій, особенно доминикановъ и базилианцевъ. Чарторыйскому приходилось не разъ просить князя Голицына снасти столь необходимый институтъ богословскій для просвѣщенія духовенства, невѣжественнаго, воспитаннаго въ фанатизмъ (см. между прочимъ письмо его 1818 г. *въ арх. мин. народн. просв.*). Можно сказать твердо и съ увѣренностію то, что главная семинарія, комплектуясь изъ среды наиболее крѣпкой и здоровой части духовенства въ русской униі, воспитала для церкви цѣлый рядъ высокообразованныхъ и даровитыхъ священниковъ, кото-

¹²⁾ «Предлагается имѣть особенное учебное заведеніе подѣ влияніемъ ученаго сословія, какое составляетъ виленскій университетъ, содержать на счетъ доходовъ монастырей, ибо многіе имѣютъ хорошіе фондуши. Общая польза того требуетъ. *Представленіе Мин. Нар. Просв.* 29 апр. 1803 г., № 22. Въ іюль 1803 г. составлена записка государю.

рые, по духу богословскаго образованія и нравственному направле-
 нію, рѣзко отличались отъ базилианскихъ богослововъ, съ дѣтства
 воспитанныхъ на латыни, учившихся въ римской коллегіи de про-
 paganda fide и *пренебрымавшихъ* церковно-славянскій языкъ
 и греческими обрядами своей собственной греко-славянской церкви.
 О главной семинаріи исторія еще не сказала своего послѣдняго
 слова. Попытки очистить ее отъ клеветы уже дѣлаются; такова,
 напримѣръ, монографія ректора О. Симона и статья Жуковича.
 Цѣлое дѣло въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія еще
 ждетъ ученой разработки специалистовъ. Изъ 80 греко-уніатскихъ
 клириковъ, обучавшихся въ этомъ институтѣ, только одинъ Сѣро-
 цинскій (сынъ епископа Кирилла) оказался неблагодарнымъ своему
 отечеству—Россіи (*Ант. Зубко*). Подаромъ, впоследствии, эту
 школу называли свѣтлымъ „*разсадникомъ архипастырей*“; члены
 коллегіи и консисторіи, ректоры и преподаватели семинаріи и мно-
 гіе благочинные были воспитанниками главной семинаріи.—Всѣ они
 и подписали прежде всѣхъ свое отреченіе отъ общенія русской
 греко-уніатской церкви съ папою и сдѣлали это, большею частью,
 по убѣжденію, для *общаго блага всей уніатской паствы*.

Главная семинарія и ея профессора, особенно уніаты, имѣли
 многихъ и весьма сильныхъ враговъ, не только въ самой Вильнѣ
 но и въ столицѣ. Легко понять, какого закала были эти враги. Рѣ-
 шительно всѣ греко-уніатскіе епископы, не исключая и архіепископа
 Крассовскаго, были ея недоброжелателями. Достаточно познакомиться
 съ недобросовѣстнымъ обвиненіемъ семинаріи виленискіимъ уніатскимъ
 епископомъ Головнею, а на этомъ, крайне преувеличенномъ, доносѣ
 1814 года 1-й департаментъ римско-католической коллегіи соста-
 вилъ докладъ (1816 г.) о закрытіи *на-всегда* главной семинаріи.
 Обвиненія, крайне одностороннія, опровергнуты были совѣтомъ и фак-
 тами, представленными попечителемъ. Проектъ римско-католической
 коллегіи, подписанный однимъ римско-католическими прелатами, но не
 подписанный Сестренцевичемъ, провалился. Архіепископъ Крассовскій,
 съ своей стороны, предлагалъ давать уніатскимъ священникамъ обра-
 зованіе въ полоцкой семинаріи, съ тѣмъ, чтобы, для усовершенство-
 ванія въ богословскихъ наукахъ, клирики греко-уніатскіе поступали

въ полоцкую іезуитскую академію! Это было въ 1815 году. Такъ далеко простиралось еще раболѣпство нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ людей эпохи давленію іезуитскаго ордена въ Россіи.—Но университетъ виленскій и его попечитель благородно отстояли этотъ замѣчательный для того времени питомникъ. Въ числѣ 5 клириковъ, поступившихъ въ главную семинарію, при ея возобновленіи въ 1816 году, были: Іосифъ Сѣмашко и Василій Лужинскій.—Профессоромъ св. Писанія въ ней былъ тогда (и до конца) Михаилъ Вобровскій, первый труженникъ русско-славянской науки въ западной Россіи; и въ какое время!... Полоцкая же семинарія *при Красовскомъ* ничѣмъ не отличалась отъ епархіальныхъ римско-католическихъ семинарій. И въ ней процвѣтали латынь и польская литература. Она обрусѣла послѣ.

Вотъ главные элементы того цемента, которыми связано наше изслѣдованіе о русской униі первой четверти XIX столѣтія и изъ котораго мы черпаемъ теперь свои объясненія. Мы строго слѣдуемъ фактамъ, которыми суждено было такъ долго скрываться въ архивахъ. Замѣчательно еще, что Пеликанъ и Новосильцовъ, сначала (1823, 1824, 1825 г.) враждебно относившіеся къ главной семинаріи, призвали ея превосходство въ 1827 году (послѣ удаленія провинціала Каминскаго): „въ *епархіальныхъ семинаріяхъ* проповѣдуются непогрѣшимость римскаго первосвященника и разныя отжившія свое время богословскія мнѣнія, схоластическими формулами обременяють мозги клириковъ, а объ истиннои *нравственномъ воспитаніи* совсѣмъ не заботятся; вслѣдствіе этого-то, въ видахъ *преобразованія* духовнаго образованія, и учреждена при виленскомъ университетѣ *главная семинарія*, изъ которой вышли *лучшіе священники*, пользующіеся въ обществѣ заслуженнымъ уваженіемъ и только по этой причинѣ возбуждающіе къ себѣ *знь и ненависть въ монахахъ и въ остальномъ духовенствѣ*“.

II.

Разбирать всѣ замѣчанія профессора Коляловича на статью П. І. В., значитъ вести безконечный споръ о такихъ предметахъ, которые или не интересны для лицъ, не посвященныхъ въ исто-

рію русской греко-уніатской церкви XIX столѣтія, или же вовсе не относятся къ дѣлу.

Съ своей теоріей вдохновенія г. Кояловичъ разрываетъ связь предыдущаго поколѣнія съ послѣдующимъ, статья-же П. І. В. доказываетъ, что поколѣніе воссоединившихъ русскую унію съ православіемъ *заимствовало* силы и матеріалы отъ прошедшаго, въ которомъ созрѣли условія благоприятныя для реформъ. Нашими дѣтельными отвѣтами, со ссылками по источникамъ на всѣ замѣчанія, г. Кояловичъ не удовлетворится уже потому, намъ кажется, что, цитируя цѣлые періоды изъ статьи П. І. В., онъ даетъ превратное толкованіе своими собственными добавками въ скобкахъ, безъ всякаго отношенія къ положеніямъ автора статьи о „противодѣйствіи базиліанъ“ („*Лит. Епарх. Вѣд.*“ 1888 г. № 49, 1889 г. № 6, въ особой брошюрѣ стр. 16 и 88).

Въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ (№№ 9—13), характеризую унію XIX столѣтія, г. Кояловичъ сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на дѣятеляхъ эпохи воссоединенія (1828—1839), освѣщаетъ только эту эпоху, набрасываетъ тѣнь на эпоху предыдущую (1803—1827), разрываетъ цѣль послѣдствій и преданій, новое поколѣніе представляетъ враждебнымъ старому, отрицаетъ успѣхи отцовъ, чтобы возвысить славу сыновей!..

Ниспровергая и ломая все прошедшее, какъ негодное и не нужное, онъ усиливается, самъ того не замѣчая, уничтожить надежды на будущія поколѣнія: опять можетъ явиться случайный человекъ, и вся западная Русь, по вдохновенію, перевалитъ въ латинство!.. Что за несчастный народъ, и какая можетъ быть на него надежда!.. Но такъ ли это?—Въ религіи, какъ и въ политикѣ, „только тѣ перевороты благонадежны и плодотворны, которые постепенны и необходимы“. Самый актъ воссоединенія русскихъ уніатовъ съ православіемъ имѣетъ потому, собственно, всѣ условія прочности, что *предшествовавшія* ему реформы были вызваны изъ вѣдръ самой церкви и подготовлены людьми ей преданными. Мы довѣряемъ болѣе описаніямъ г. Кояловича, нежели его восклицаніямъ: въ первыхъ работаетъ умъ, во вторыхъ чувство—

возбужденіе, отсюда преувеличенія въ одну сторону и рѣзкости въ другую.

Отсутствіе объективности и отрицательное отношеніе профессора Кояловича къ пробужденію *самопознанія* въ бѣломъ духовенствѣ русской греко-уніатской церкви, такъ давно угнетаемой латинизаторскимъ орденомъ, напоминая намъ отзывъ П. А. Вяземскаго, обращенный къ писателямъ, мало цѣнящимъ великія созданія прошлыхъ поколѣній въ своей исторіи. „Никакое поколѣніе не подкидывшъ, или случайный выскочка на распутіи рода человѣческаго, каждое поколѣніе, каждый вѣкъ есть сынъ и внукъ своихъ предшественниковъ. Горе народу, не почитающему старини своей. Горе писателямъ, которые самонадѣянно предають забвенію и поруганію дѣла доблестныхъ отцовъ“¹⁴⁾.

Нельзя привлекать къ отвѣтственности дѣятелей въ униіа за то, что они, оберегая греческій обрядъ, не стремились къ разрыву съ римскимъ папою въ то время, когда само русское правительство утверждало латинство и покровительствовало польской цивилизаціи, когда, слѣдовательно, нужно было убѣждать и доказывать, что униіаты суть послѣдователи греческой, а не латинской церкви.

Трудно представить себѣ кого либо изъ живущихъ исторію русской униіа XIX столѣтія, который оставилъ бы безъ всякаго вниманія и оцѣнки обширнѣйшее дѣло 2-го департамента римско-католической коллегіи, съ 1822 по 1828 г. № 61, „*О закрытіи нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей и устройствѣ семинарій и духовныхъ училищъ*“ (на 667 листахъ), вызванное въ минуту правительственной реакціи, когда уже проходила мода поклоненію цивилизаторскимъ опытамъ въ Россіи іезуитскаго, базилианскаго, доминиканскаго, піарскаго орденовъ, составлявшихъ, вмѣстѣ съ другими 25 орденами, „армію римскаго папы“². Въ то время всѣхъ монаховъ и монахинь, большею частью изъ польской шляхты, было до 4,000 человѣкъ.

¹⁴⁾ Полное собраніе сочиненій кн. А. П. Вяземскаго, т. V, Спб. 1880 г. стр. 194.

Одно перечисленіе главнѣйшихъ документовъ изъ этого дѣла ¹⁵⁾ доказываетъ, въ какихъ разнообразныхъ формахъ выражалась необходимость реформъ со стороны лучшихъ представителей русской греко-уніатской церкви первой четверти XIX столѣтія.

Укажемъ на болѣе важные официальные документы, вшитые въ дѣло подь № 61: 1) л. 1 и слѣдующіе: три предложенія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина (28 сентября и 20 ноября 1822 г., 6 февраля 1823 г.), относительно закрытія большинства базилианскихъ монастырей, съ цѣлюю программю необходимыхъ преобразованій въ шести пунктахъ: „Два раза государь имѣлъ въ виду не разрѣшеніе этого вопроса“. Членамъ коллегіи внушается каждый мѣсяць два раза, чрезъ каждыя двѣ недѣли, составлять меморіи и присылать ихъ въ министерство. 2) л. 28—проекты, соображенія и мнѣнія виленской и брестской консисторій въ февралѣ и мартѣ 1823 года. Мнѣніе брестской епархіи заключается такъ: „Да укрѣпннть Всеблагій Податель, Отець небесный, благотворительныя намѣренія Всеавгустѣйшаго Монарха! Да ниспошлетъ свою благодать, и дѣлу сему дастъ споспѣшествованіе“. Подписали: предсѣдатель консисторій Тупальскій, вице-предсѣдатель Сосновскій и другіе, 3) въ приложеніяхъ протестъ бѣлаго духовенства литовской Руси 1776 года, исчисляющій всѣ неправды базилианскаго ордена съ самаго появленія уніа, 4) л. 260 предложенія митрополита Булгака отъ 4 августа 1825 г., обрекавшія 2-й департаментъ коллегіи на бездѣйствіе „пока я на мстѣ не осмотрю всего, и не посоветуюсь съ орденомъ“; 5) л. 292, 303, жалобы, представленія и мнѣнія предсѣдателя виленской консисторіи А. Сосновскаго, возраженія и объясненія литовскаго провинціала Каминскаго; послѣдній старается усыпить 2-й департаментъ коллегіи; Булгакъ и Каминскій достигли цѣли: они оттапули рѣшеніе дѣла еще на три

¹⁵⁾ Даже не прибѣгая къ освѣщенію событій: ломкой правительственной системы, особенно въ области учебной, измѣненіемъ правительственнаго взгляда на западныя губерніи, реакціей противъ русскаго библейскаго общества въ Петербургѣ, паденіемъ пѣтиста князя Голицина, назначеніемъ на его мѣсто русскаго патріота и славянолюбца адмирала А. С. Пишкова и проч.

года; 6) л. 332—соображенія брестской консисторіи, основанныя на совѣщаніяхъ въ Жировицахъ 11 января 1826 года между представителями брестскаго капитула Тупальскимъ и М. Бобровскимъ и базилианскаго ордена Ц. Каминскимъ и Ф. Маіевскимъ: „сыновья священниковъ, по бѣдности родителей, не въ состояніи обучаться въ *публичныхъ* базилианскихъ училищахъ, устроенныхъ для мірянъ (слѣдуетъ добавитъ католиковъ); научившись кое какъ чтенію и письму *дома*, по достиженіи зрѣлыхъ лѣтъ, они поступаютъ въ духовный санъ, стало-быть, они только умножаютъ число неувѣдущихъ настырей церкви, и притомъ ихъ обучаютъ (базилиане въ лаврышовской семинаріи) нравственному богословію, съ грѣхомъ пополамъ, на польскомъ языкѣ“. „Учителями въ епархіальной (греко-уніатской) семинаріи должны быть духовные, получившіе образованіе въ главной семинаріи, а не базилиане, и такое назначеніе клириковъ, въ первое время послѣ окончанія ими курса, наиболѣе полезно; съ такою же семинаріей, какую предлагаютъ базилиане, брестская епархія не будетъ имѣть священниковъ, подготовленныхъ къ своему сану; 7) л. 326—прошеніе на высочайшее имя А. Сосновскаго отъ 18 февраля 1826 г.... „дабы повелѣно было представить на высочайшее имя проектъ: о семинаріи и кафедрѣ, о вспоможеніи церквамъ и проч., никакихъ средствъ въ епархіи (гдѣ 300 церквей) не имѣется для образованія священниковъ, базилианскій же орденъ стремится обратитъ въ ничто распоряженія всемилостивѣйшаго монарха о доставленіи средствъ на устройство приличныхъ для свѣтскаго клира семинарій и для обезпеченія бѣднѣйшихъ приходовъ“⁶⁾; 8) л. 407—рапортъ того же Сосновскаго отъ 21 октября 1826 г. (на 87 страницахъ) о церквахъ, обращенныхъ въ обители, вопреки постановленіямъ римскихъ папъ и другихъ законовъ, объ обращеніи виленскихъ церквей въ частные дома, 9) въ приложеніяхъ, историческіе докумен-

⁶⁾ Сосновскій представлялъ еще за 6 лѣтъ тому назадъ (1 окт. 1820 г.) о необходимости *созванія помѣстного собора*, для устройства дѣлъ церкви, обезпеченія вдовъ и сиротъ, устройства семинарій, искорененія еретическихъ молитвъ и т. д. *Дѣло архива св. Синод.* по 2 деп. кол., 1820 г. № 41.

ты и планъ 15 церквей (нѣкогда, какъ видно, православныхъ), которыя существовали въ Вильнѣ еще въ концѣ XVII столѣтія. 10) „Славянскій діалектъ оказывается чуждымъ для нашихъ священниковъ, а въ церковныхъ обрядахъ (которые должны быть греческими) введено большое разнообразіе, причѣмъ церковный уставъ почти уничтоженъ. И такъ какъ въ орденъ базилианскій поступаютъ лица латинскаго обряда, поэтому они не могутъ чистосердечно заниматься славянскимъ языкомъ и пѣніемъ, свойственнымъ греческой церкви“¹⁷⁾.

Мы могли бы представить рядъ документовъ изъ другихъ дѣлъ въ доказательство того, какъ назрѣвала потребность въ реформахъ греко-уніатской церкви, съ какимъ усердіемъ и самоотверженіемъ представители духовенства литовской Руси, начиная съ 1776 года, отстаивали и защищали свою церковь отъ латинизаторскихъ дѣйствій „аристократическаго латинпольскаго ордена“ взявшаго въ свои руки воспитаніе не только мірянъ, но и духовнаго греко-уніатскаго юношества въ 8 западныхъ губерніяхъ съ 1810 года. Догадываемся, почему вычеркнуты г. Кояловичемъ крупные документы, лежащіе въ основѣ соображеній для реформъ въ церкви.

Дѣло же 2-го департамента римско-католической коллегіи 1809 г. № 4—о *возстановленіи литовской виленской митрополичьей епархіи* (на 249 листахъ), о которомъ г. Кояловичъ намъ напоминаетъ (придавая ему первенствующее значеніе), хотя и возбуждено было съ цѣлю *ослабленія базилианскаго ордена въ литовской Руси* (подобно тому, какъ онъ былъ ослабленъ дѣйствіями Лисовскаго и Красовскаго уже въ Бѣлоруссіи, послѣ чего однако усилилось тамъ вліяніе іезуитовъ), для чего и предполагалось отнять у базилианъ св. Троицкій монастырь¹⁸⁾, а въ Жировиц-

¹⁷⁾ Тутъ же, о неудобствахъ соединенія въ главной семинаріи греко-уніатскихъ клириковъ съ р.-католическими; ясно, кому принадлежитъ первая мысль о греко-уніатской академіи; только сперва она предполагалась въ Вильнѣ.

¹⁸⁾ У г. Кояловича встрѣчаются большія ошибки, когда дѣло касается членовъ брестскаго капитула. Такъ, на стр. 195 въ № 11 «Церк. Вѣстн.» онъ говоритъ: «какъ понять ихъ странное требованіе,

комъ устроить епархіальнаго епископа Вулгака, (упорнаго противника улучшеній въ греко-уніатской церкви), показываетъ, что не только не была достигнута цѣль, но напротивъ, раздѣленіе брестской епархіи на двѣ послужило къ усиленію литовской базилианской провинціи; съ того времени виленскій св. Троицкій монастырь, съ своимъ публичнымъ училищемъ на степени гимназіи и съ своими богословско-философскими студіями, сталъ *главнымъ центромъ латинизаціи греческихъ обрядовъ въ русской униі.* Провинціалы, консульторы и секретари, опираясь на епископа (потомъ митрополита) Вулгака и на епископа виленскаго, суфрагана Головию (избраннаго однако Лисовскимъ), систематически и настойчиво вели уніатовъ къ кассированію въ русской уніатской церкви греческихъ обрядовъ и замѣнѣ въ богослуженіи славянскаго языка латинскимъ и польскимъ: на этомъ пути виленскіе базилианы съ 1809 года сдѣлали громадныя успѣхи (см. ихъ типографію). Собственно говоря, этотъ монастырь сталъ господствующимъ проводникомъ латинизаторской пропаганды въ униі и служилъ самымъ сильнымъ препятствіемъ *реформамъ.* Сосновскій ясно понималъ необходимость закрытія св. Троицкаго монастыря и къ этому настойчиво стремился, но не понимали этого члены 2-го департамента коллегіи, потому, вѣроятно, что упраздненія главнаго центра пропаганды не желалъ митрополитъ Вулгакъ. Впослѣдствіи, однако, пришлось раскаяться въ этой неумѣстной уступкѣ.

Мы не станемъ повторять того, что сказано по этому поводу въ статьѣ П. І. В., достаточно разъясняющей роль брестскаго капитула въ дѣлахъ униі съ 1819 до 1826 года, т. е. въ такое время, когда митрополитъ Вулгакъ, считая себя главою ордена

чтобы передача была *въ ихъ власть* (sic) виленскій Троицкій монастырь на томъ основаніи, что онъ когда-то былъ въ управленіи бѣлаго духовенства?». По въ дѣлѣ 1809 года № 4, на которое онъ самъ ссылается, имѣется письмо, съ указаніемъ, что мысль о передачѣ этого монастыря на потребности епархіи (каедру и семинарію) принадлежатъ митрополиту Лисовскому. Слѣдовательно, предсѣдатель консисторіи Сосновскій, въ 1826 г., возобновилъ требованіе бывшаго іерарха. Что же показали послѣдствія? Лисовскій и Сосновскій вѣрно оцѣнили мѣстныя условія, ибо съ 1845 г. и понынѣ литовская семинарія помѣщается въ Св. Троицкомъ монастырѣ.

и будучи вице-президентомъ росіійскаго библейскаго общества, руководимый Каминскимъ, Маіевскимъ и Жарскимъ (имѣвшими главную квартиру въ св. Троицкомъ монастырѣ), напрягалъ всё свои дѣйствія къ разрушенію коалиціи бѣлаго духовенства виленской и брестской епархій, подъ предводительствомъ главныхъ своихъ представителей, собравшихъ свои силы въ Жировицахъ, а съ 1826 г. въ г. Вильнѣ. Этотъ вопросъ затронуть былъ еще графомъ Д. А. Толстымъ въ соч. „Le Cathol. Rom. II.“, но его изслѣдованіе окончено царствованіемъ императора Александра I, когда перевѣсъ силъ былъ еще на сторонѣ базиліанъ, поддерживаемыхъ министромъ Голицынымъ и попечителемъ Чарторыйскимъ. По стопамъ послѣднихъ *сначала* шелъ и новый попечитель Новосильцовъ, котораго ректоръ Пеликанъ толкалъ въ лагерь виленскихъ клерикаловъ, соединившихъ свои силы съ польской аристократіей: оба, Новосильцовъ и Пеликанъ, стали владѣльцами крупныхъ имѣній въ литовской Руси...

Трудно догадаться, почему, вопреки очевиднымъ фактамъ, профессоръ Кояловичъ относится съ такою апатіей къ дѣятельности брестскаго капитула вообще и его главнымъ представителямъ, особенно къ Сосновскому, въ частности. Въ глазахъ профессора, представленія и соображенія капитула составляютъ „громаду исписанной бумаги“, „великолѣпныя ученые изысканія о церковныхъ предметахъ“, „неустойчивые принципы и мечтанія“, „нѣчто возмутительное, жалкое противодѣйствіе воссоединенію“ („*Церковн. Вѣст*“ № 10, стр. 176). Въ выраженіи „противодѣйствіе воссоединенію“ очевидно у г. Кояловича описка: капитулъ прекратилъ свое существованіе въ 1823 г., его заѣхали жировицкіе соборные протоіереи, сгруппировавшіеся въ Жировицахъ, при епархіальной семинаріи и каедрѣ (почти всё—воспитанники главной семинаріи), которые (а не брестскій капитулъ, уже не существовавшій) съ 1828 года, т. е. въ *послѣдующій періодъ развитія правительственной политики*, приводили въ исполненіе реформы въ литовской епархіи (образованной въ 1828 г. изъ виленской и брестской), реформы, приготовленныя брестскимъ капитуломъ.

Для теоріи профессора Кояловича болѣе симпатичны „секрет-

ныя переписки“, „секретныя донесенія“, отъ кого бы онѣ не ис-
ходили; но офіціальные факты въ дѣлахъ св. Синода разбиваютъ
его соображенія и выводы. Онѣ отстраняетъ отъ себя кропотливый
трудъ провѣрять „таинственныя донесенія“ ходомъ событій 1823,
1824 и 1825 годовъ, съ плеча рубить друзей церкви, считая
ихъ „неблагонадежными“, и въ своемъ ложномъ патріотическомъ
ослѣпленіи, не видятъ настоящихъ недруговъ, съ которыми полуосто-
лѣтіе велась упорная, тяжкая борьба. Прискорбиѣе всего, что ин-
тригою и клеветою крайне злоупотребляли: епископъ Головня, ли-
товскій провинціалъ Каминскій, Пеликанъ и другіе честолюбцы
двадцатыхъ годовъ, подъ предательскою маскою *благонадежныхъ*.

Насколько мало убѣдительно подобнаго рода донесенія, даже
офіціального характера (не секретныя), приводимъ одинъ примѣръ:
сначала Новосильцову докладывалось, что „*бѣлое духовенство*
(разумѣя брестскую и виленскую епархіи) *ни въ малѣйшей дѣлѣ*
не приноситъ той пользы, какую доставляетъ базилианское со-
словіе“. Новосильцовъ и Пеликанъ были въ восторгѣ отъ публич-
ныхъ базилианскихъ школъ литовской базилианской провинціи ¹²⁾,
даже писались благодарственные приказы провинціалу и поддержи-
валось желаніе виленскихъ монаховъ о необходимости *закрытія*
главной духовной семинаріи.—Но мнѣнія Новосильцова встрѣтили
отпоръ у Шишкова, который удивлялся, какъ могъ попечитель
(человѣкъ русскій) позволить поймать себя на удочку базилианамъ,
просвѣтительная дѣятельность которыхъ старику-патріоту всегда
казалась подозрительною.—Но вотъ, въ ноябрѣ 1826 года, литов-
скій провинціалъ, архимандритъ Каминскій, послѣ неудачной кам-
паніи противъ брестскаго каноника Сосновскаго, подалъ свидѣтель-
ство о болѣзни и вышелъ въ отставку; а въ 1827 году, въ мнѣ-
ніи Пеликана, подписанномъ Новосильцевымъ, встрѣчаемъ уже та-
кое сужденіе: „изъ главной семинаріи вышли лучшіе священники,

¹²⁾ Ополячивавшихъ русскихъ униатовъ. Каминскій удостовѣрялъ,
что онъ отлично понималъ *благія намѣренія* новаго попечителя, а между
тѣмъ, продолжалъ въ *секретныхъ курсахъ* развивать латинизацію.
Архивъ св. Син. по 2 деп.

пользующіеся въ обществѣ заслуженнымъ уваженіемъ и только поэтому возбуждающіе къ себѣ гнѣвъ и ненависть въ монахахъ“.

Можно было бы привести не мало приѣровъ подобныхъ скачковъ изъ одной противоположности въ другую изъ дѣлъ того смутнаго времени, когда секретныя донесенія у интригановъ и честолюбцевъ нерѣдко служили средствомъ для обмана правительства.

Многіе годы мы изучаемъ эту далеко не разъясненную эпоху въ Зап. Россіи и можемъ успокоить профессора Кояловича, что русское греко-уніатское духовенство въ брестской и виленской епархіяхъ пребывало твердымъ въ вѣрѣ своихъ предковъ и неохотно отдавало своихъ сыновей на выучку базилианамъ-латинизаторамъ.

Груды бумаги, исписанной брестскимъ кашитуломъ, особенно Сосновскимъ, должны были разворачивать (съ 1822 г.) и изучать члены 2-го департамента коллегіи, для того чтобы доставлять въ департаментъ министерства меморіи о всѣхъ поступавшихъ донесеніяхъ изъ епархій, а директоръ департамента духовныхъ дѣлъ Карташевскій, замѣнившій безпечнаго Тургенева, былъ человекомъ въ высшей степени добросовѣстнымъ, честнымъ и аккуратнымъ и, притомъ, истинно русскимъ патриотомъ, страстно приверженнымъ къ греко-восточной церкви.

Событія въ эти годы, съ 1822 по 1827, такъ быстро и круто измѣняли свой характеръ въ Вильнѣ и въ литовской Руси, что нужно идти съ оглядкою, шагъ за шагомъ, чтобы не наткнуться на недобросовѣстное секретное донесеніе какого либо базилианина, какого либо библейца, въ родѣ А. Бекю, или полякующаго чиновника. Съ начала столѣтія и въ первые десять лѣтъ послѣ заключенія священнаго союза, министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ смотрѣло на литовскую Русь, какъ на часть Польши и само содѣйствовало распространенію латинизаціи и полонизаціи русскихъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ и черноруссовъ; но съ 1825 года, особенно же послѣ восшествія на престолъ императора Николая I, въ томъ же министерствѣ повѣяло чисто-національнымъ русскимъ духомъ. Пала голицинская система, съ благотворительными учрежденіями для шляхты, съ польскими лаякостерскими школами; разсыпались библейскіе комитеты, отвергнута

вудьгата на польскомъ языкѣ. Измѣнилъ ли характеръ своихъ дѣйствій брестскій капиуль, при ломкѣ правительственной системы въ виленскомъ учебномъ округѣ? Нисколько. Онъ продолжалъ громить базилианскую провинцію тѣмъ же открытымъ оружіемъ и также настойчиво, какъ и прежде, но съ тою уже разницею, что теперь брестскій каноникъ, Сосновскій, могъ надѣяться на поддержку своихъ представленій въ самомъ министерствѣ, минуя коллегію. А, базилианы? Они, потерявъ своихъ союзниковъ, наполнили канцеляріи жалобами на нашествіе бѣлаго духовенства ихъ „ограбить“, клеветали, интриговали, чернили людей секретными донесеніями, если не сами, то при содѣйствіи чиновниковъ, подобныхъ Целикану, драпировавшихся въ мантию благонадежности.

Иные писатели, изображая какіе-либо выдающіеся рѣзкіе факты, распространяють эти черты на все остальное общество, но подобный способъ характеристики настолько, очевидно, неправиленъ, что широкое его приложеніе не можетъ быть принято наукою, безъ строгой критики. Если согласиться съ тенденціозною характеристикою профессора Бояловича, относящеюся, впрочемъ, уже къ эпохѣ воссоединенія, то можно придти къ заключеніямъ діаметрально противоположнымъ дѣйствительности, т. е. принять бѣлое греко-уніатское духовенство (которое считало себя *русскимъ*) за усердныхъ сторонниковъ замысловъ латинно-польской шляхетской партіи, а базилианскій орденъ (который гордился тѣмъ, что онъ *наполненъ польскою шляхтою*) самымъ усерднымъ другомъ русскаго народа (послѣдній едва переводилъ духъ, подъ гнетомъ произвола своихъ господъ — латинно-польскихъ помѣщиковъ и самихъ базилианъ). Но, вѣдь это такая очевидная нелѣпность, что серьезному ученому, изучающему уніатскій вопросъ по источникамъ, стыдно даже и останавливаться на разныхъ сплетняхъ, которыя, увы! часто примѣшиваясь къ житейскимъ дѣламъ, мараютъ людей съ самой чистой репутаціей. Извѣстно, какииъ агнецемъ рисовался передъ коллегіей провинціалъ Каминскій. А онъ, въ 1812 г., вмѣстѣ съ Головнею, въ виленскомъ наполеоновскомъ комитетѣ, предложили изложеніе архіепископа Красовскаго и митрополита Кохановича, и положили тяжкую контрибуцію на убогое сельское ду-

ховенство, щадя богатый свой орденъ ²⁰⁾; въ 1817 году Каминскій публично въ Троицкомъ монастырѣ назвалъ профессора Бобровскаго, вмѣстѣ съ клириками главной семинаріи его учениками Съмашкою, Лужинскимъ и другими, *схизматиками* (о чемъ упоминаетъ, впрочемъ, и г. Кояловичъ, не называя только І. Съмашки); въ 1822 году Каминскій писалъ *секретныя жалобы* въ Римъ на гоненіе базиліанъ правительствомъ. Чего же еще больше!.. По счастью, въ нашихъ рукахъ имѣются не секретныя письма жировицкаго протоіерея, одного изъ бывшихъ членовъ брестскаго капитула, который, прочитавъ въ „Виленскомъ Курьерѣ“ извѣстіе о возстаніи въ Варшавѣ въ 1830 г., отзывается объ этомъ событіи съ *негодованиемъ*, называя его „неистовымъ конституціоннымъ бѣшенствомъ“, „подлою измѣною“ („*nieczemna zdrada*“), тутъ же предостерегаетъ своего товарища, другого члена брестскаго капитула власть имѣющаго, чтобы онъ держалъ ухо остро, чтобы не случилось какого-либо несчастія, и, въ заключеніе, призываетъ благословеніе Бога на Монарха „самаго лучшаго отца насъ всѣхъ“, собирающаго, какъ слышно, силы для успокоенія своихъ подданныхъ... (*Письмо профессора Бобровскаго къ Тупальскому 10 декабря 1830 г. Рук. Сборн. л. 15 об.*).

Изъ характеристики г. Кояловича невозможно получить никакого понятія, ни даже представленія о постепенности и характерѣ развитія общества, дождавшагося свѣта истины. Правда, онъ иногда проговаривается и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ съ собою, когда говоритъ о легкости, съ какою совершилось дѣло соединенія литовскихъ униатовъ съ православіемъ. Въ другомъ мѣстѣ, изображая благоухающій цвѣтокъ, онъ представляетъ этотъ самый цвѣтокъ какою-то куклою, которою ворочали по своему

²⁰⁾ Не здѣсь ли кроется зачатокъ тѣхъ острыхъ отношеній, которыя существовали между епископомъ Головнею и Каминскимъ съ одной стороны и А. Сосновскимъ съ другой, со времени назначенія его председателемъ виленской консисторіи, который всю свою жизнь горячо защищалъ интересы своей пріявленной братіи—блага духовенства? Этой симпатичной черты у Сосновскаго г. Кояловичу не удалось подмѣтить въ секретныхъ донесеніяхъ на оффиціала, защищавшаго дѣло ему вѣренное.

усмотрѣнію то Сосновскій, то Іосифъ Сьмашко, то А. Зубко ²¹⁾). Профессоръ не далъ себѣ труда даже выяснитъ: какъ, при господствѣ латино-польскихъ стихій, тѣснившихъ греко-славянскую церковь въ Литвѣ, развилось и крѣпло *самопознаніе* въ наиболѣе просвѣщенной части свѣтскаго клира, которое и въ дѣлѣ воссоединенія, какъ и въ подготовкѣ къ реформамъ играло первенствующую роль. О Сосновскомъ можемъ сказать, въ его оправданіе, что онъ не обладалъ такимъ проницательнымъ умомъ, какъ другіе, желалъ умереть униатомъ и увлекся сепаратизмомъ ходкискихъ униатовъ. Въ этожъ была его ошибка, за которую онъ полатился, но милосердіе пришло свыше отъ виленскаго генерал-губернатора князя Долгорукова, и оскорбленный старецъ успокоился.

Закончимъ наши объясненія по поводу *подготовки къ реформамъ въ русской униі* очеркомъ нашей программы исторіи греко-униатской церкви до начала реформъ, произведенныхъ въ царствованіе императора Николая I.

Стремленіе къ реформамъ греко-униатской церкви составляетъ главный фонъ ея исторіи въ XIX столѣтіи; средствомъ для осуществленія ихъ служатъ упраздненіе „слишкомъ многочисленныхъ базилианскихъ монастырей, въ которыхъ исчезла святость монашескихъ обѣтовъ, а безъ монашества „свѣтскій клиръ, разсѣянный мелкими семьями, придавленный нищетою, подобно трости, колеблемой вѣтромъ, склоняется на ту или другую сторону“. Въ строгомъ смыслѣ слова, монашества въ русской униі уже не существовало, необходимо было его создать вновь, отнюдь не допуская въ

²¹⁾ Ученники называютъ Бобровскаго «свѣтеломъ и украшеніемъ своей церкви», «врагомъ тщеславія, гордости, низкопоклонства, лести и вообще двоедунія». Ректоръ же Целиканъ въ *секретной аттестаціи* представляетъ его «зловреднымъ священникомъ, съ дурнымъ образомъ мыслей и преступными замыслами». Епископъ Іосифъ Сьмашко въ аттестаціи говоритъ: «сей ученый профессоръ былъ наставникомъ всѣхъ нынѣшнихъ униатскихъ епископовъ и большей части духовныхъ особъ сего обряда, занимающихъ важнѣйшія мѣста по управленію епархіею и пользуется общимъ уваженіемъ». Ср. *Холмтысьц.* на 1867 г., стр. 101. 115. *Арх. Мин. Нар. Просв.* Барт. 1759, № 44770. «*Записки Іосифа Сьмашко*», II, стр. 73. Гдѣ же истина, г. Кояловичъ?

обитатели латинской шляхты. Но, чтобы создать вновь монашество, необходимо было уничтожить орденъ, разрушить главныя твердыни... Новое дѣло нужно было начать съ перевоспитанія греко-уніатскаго юношества, со школы, руководителемъ которой не должны призываться базилианн.

Вопросъ о реформахъ, поднятый *самими* епархіальными начальниками въ полоцкой епархіи, продолжаютъ двигать къ разрѣшенію, въ томъ же направленіи въ виленской и брестской епархіяхъ брестскіе прелаты и каноники и встрѣчаютъ упорное противодѣйствіе епархіальныхъ епископовъ и базилианскаго ордена (въ литовской провинціи). Такую общую черту мы видимъ во всѣхъ событіяхъ, съ которыми связана дѣятельность Лисовскаго и Красовскаго въ началѣ періода (1803—1810 г.) (собственно въ полоцкой епархіи), Тупальскаго, Сосновскаго и Бобровскаго въ концѣ его (1819—1827) (собственно въ виленской и брестской епархіяхъ). О луцкомъ бѣломъ духовенствѣ приходится молчать: оно было подавлено своими епископами, друзьями базилианъ. И въ полоцкой епархіи, съ 1823 г. Мартусевичъ разрушалъ то, что сдѣлано было ранѣе Лисовскимъ и Красовскимъ. Общимъ своимъ строемъ дѣятельность полоцкихъ іерарховъ и брестскихъ протоіереевъ образуетъ одну и ту же картину: стремленіе къ возстановленію каѳедры, устройство епархіальныхъ семинарій, чтобы въ нихъ, а не въ монастыряхъ, воспитывалось юношество, обереганіе греческаго обряда отъ латинизаціи, поднятіе благосостоянія свѣтскаго клира, вспомошествованіе бѣднымъ приходамъ, обезпеченіе вдовъ и сиротъ священниковъ и церковно-служителей, вообще же, — огражденіе пѣлостности и неприкосновенности русской греко-уніатской церкви. Въ этихъ стремленіяхъ не предполагается *разрыва съ римскимъ папою*, но твердо и настойчиво высказывается намѣреніе разрушить базилианскія твердыни, служація притономъ латинизаторовъ, извращавшихъ славянскую церковь. Не желали уничтоженія монашества, но стремились къ уничтоженію самовластія ордена, ставшаго латинскимъ.

Реформы, начатныя митрополитомъ Лисовскимъ въ своей епархіи на средства, указанныя въ завѣщаніи короля Вишневецкаго, скрытомъ у полоцкихъ базилианокъ, съ занятіемъ Софійскаго монастыря, оста-

новидись, такъ сказать, въ самомъ зародышѣ; онѣ не только не были допущены въ прочихъ трехъ греко-уніатскихъ епархіяхъ, но возбудили противодѣйствіе со стороны епископовъ и провинціаловъ, нашедшихъ себѣ поддержку въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и, затѣмъ, въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ. Лисовскому не удалось ни подчинить греко-уніатскую церковь оберъ-прокурору св. Синода, ни образовать особый отдѣльный департаментъ, ни устроить кафедръ и семинаріи во всѣхъ епархіяхъ, ни ослабить самовластія базилианъ, прикрывшихся ролью воспитателей юношества западной Россіи и отшатнувшихся отъ строгихъ монастырскихъ уставовъ греческой церкви.

Кто же противодѣйствовалъ исполненію этихъ широкихъ плановъ одного изъ великихъ іерарховъ русской уніи, стремившагося приблизить ее учрежденіями, обрядами, молитвословіемъ къ православнои греко-восточной церкви? На этотъ вопросъ даютъ неполный еще отвѣтъ графъ Толстой и Морозкинъ, въ своихъ сочиненіяхъ: „Le Catholicisme Romain“ и „Іезуиты въ Россіи“. Указанія этихъ серьезныхъ писателей дополняются документами изъ архивовъ 2-го департамента римско-католической коллегіи и министерства народнаго просвѣщенія и изъ полного собранія законовъ съ 1803 по 1809 г. Мы видимъ русскую унію, охваченною интригою. Въ центрѣ интриги, направленной противъ реформаторскихъ плановъ Лисовскаго и его сотрудника Красовскаго, стоялъ брестскій епископъ *Булгакъ*, воспитанный и выдвинутый іезуитами, базилианами и польской аристократической партіей. До сихъ поръ Булгакъ представлялся какимъ-то загадочнымъ миеомъ, но его разгадали Антоній Сосновскій и Антоній Тупальскій.

Едва почилъ великій іерарархъ (въ 1809 г.) русской уніи, какъ потерпѣли крушеніе его предположенія относительно устройства бресткой, вновь устроенной виленской и луцкой епархій, на тѣхъ же началахъ, какъ и въ полоцкой. Кохановичъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы поднять тяжелое бремя управленія дѣлами уніи въ эпоху Отечественной войны (1810—1814). Послѣ него, при явномъ противодѣйствіи бресткаго епископа Булгака и виленскаго суффрагана Головни, измѣнившаго Лисовскому, базилианскій орденъ.

соединяетъ свои лучшія силы въ литовской провинціи, которая нашла себѣ союзниковъ въ попечителѣ виленскаго учебнаго округа князь А. Чарторыйскомъ, въ главноуправляющемъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій князь Голицынѣ и у новаго министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго.

Первые робкіе протесты брестскаго капитула (въ 1810 г.), осмѣливавшася выступать съ жалобами на самовластіе базилянъ, не нашли никакой поддержки во 2-мъ департаментѣ коллегіи; напротивъ, даже энергическій архіепископъ Красовскій, который, какъ гсворять, руководилъ Лисовскимъ, подписалъ журналъ, предоставлявшій рѣшеніе дѣла о вопіющихъ нуждахъ бѣлаго духовенства епархіальному епископу Булгаку—главѣ ордена, защитнику базилянскихъ привилегій. Программа священнаго союза, горячимъ исполнителемъ которой былъ князь А. Н. Голицынъ, назначенный съ 1810 г. главноуправляющимъ д. д. и. и., выдвинула на сцену руссійское библейское общество; и библейскіе комитеты, со своими мистиками, съ 1817 года покрыли колонизаторскою сѣтью всю западную Россію. Библейцы, какъ и массоны, къ церковнымъ обрядамъ относились легкомысленно ²²). Прошло четыре мучительныхъ года, въ которые базилянскій орденъ держалъ униатовъ литовской Руси въ желѣзныхъ оковахъ, передѣлывая греческіе обряды на латинскіе. Полагалось уже упразднить единственный разсадникъ богословскаго образованія греко-униатовъ—виленскую главную семинарію, о чемъ усердно хлопоталъ епископъ Головня; спасителемъ ея явился князь Чарторыйскій. Онъ видѣлъ уже печальныя послѣдствія отъ распространенія и усиленія фанатизма въ латинскомъ монашескомъ духовенствѣ вслѣдствіе совершеннаго упадка епархіальныхъ семинарій и поспѣшилъ (въ 1818 г.) представить императору Александру I записку объ обращеніи богатѣйшихъ фундушей Картузо-Верезскаго монастыря на содержаніе главной семинаріи, чтобы обезпеченіемъ ея прекратить постоянныя вторженія монашескихъ орденовъ въ права совѣта университета и постоян-

²²) Кромѣ библейскихъ комитетовъ въ Вильнѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Витебскѣ, Могилевѣ и Минскѣ, учрежденныхъ въ концѣ 1816 года, во многихъ уѣздныхъ городахъ имѣлись ихъ агенты.

ныя жалобы послѣдняго на неисправный вносъ монастырской складки ²³⁾).

Архіепископъ Красовскій, будучи постоянно подъ вліяніемъ полоцкихъ іезуитовъ, предлагалъ въ 1815 г. греко-уніатскихъ клириковъ, по окончаніи курса полоцкой семинаріи, направлять въ полоцкую іезуитскую академію. Но, по настоянію Чарторыйскаго, главная семинарія въ 1816 г. была возобновлена и интрига нѣкоторыхъ епископовъ, іезуитовъ и базилианъ противъ нея разрушена. Мало того, совѣтъ университета, по предложенію Чарторыйскаго, командировалъ (въ 1817 г.) одного изъ профессоровъ богословскаго факультета (слависта Бобровскаго), для изученія состоянія богословской науки въ Австріи и Италіи, съ цѣлію поднятія этого института на самую высокую степень. По возвращеніи въ 1822 г., Бобровскій предложилъ коренныя реформы, потребовалъ изученія библейскихъ языковъ и церковно-славянскаго. И эта побѣда университета надъ монашескими сословіями западной Россіи, при извѣстныхъ замѣшательствахъ, тяжело отозвалась на судьбѣ университета и самого Бобровскаго, послѣ того, когда Новосильцовъ попалъ въ сѣти интригъ виленскихъ базилианъ, выдвинувшихъ іезуита Венцеслава Целикана.

Послѣ учрежденія соединеннаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ 1817 году, митрополитомъ греко-уніатскихъ церквей въ Россіи назначенъ брестскій епископъ Булгакъ, которымъ руководили секретарь Мудровичъ и архимандритъ Борисоглѣбскаго монастыря Шулякевичъ, личные враги архіепископа Красовскаго, который объявилъ себя врагомъ библейцовъ. Булгакъ, опираясь на литовскаго и бѣлорусскаго базилианскихъ провинціаловъ (Каминскаго и Смыковича), стремился, съ первыхъ же дней появленія своего въ столицу, въ качествѣ предсѣдателя 2-го

²³⁾ Записка Чарторыйскаго не имѣла успѣха; Картузъ—Березскіе янки нашли себѣ болѣе сильныхъ ходатаевъ въ столицѣ. Напротивъ, провинціалъ литовскихъ бенедиктинцевъ (братьевъ милосердія) Сокульскій представилъ императору Александру I въ 1825 г. записку о закрытіи главной семинаріи. Съ того времени эта школа была предметомъ постоянныхъ вылазокъ со стороны монашескихъ орденовъ.

департаментъ римско-католической коллегіи, *уничтожить самый зародышъ реформъ, начатыя Лисовскимъ*: онъ исходатайствовалъ замѣну представителя виленской епархіи отъ блага духовенства представителемъ отъ базилианскаго ордена, онъ возбудилъ дѣло о соединеніи литовской провинціи съ бѣлорусскою, „для славы ордена“ (въ перспективѣ мелькала должность протоархимандрита, какъ у іезуитовъ генерала), онъ представилъ необходимость кассировать постановленіе митрополита Бюхановича, коимъ воспрещалось принимать въ орденъ лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія (постановленіе это исполнялось только въ бѣлорусской провинціи), онъ хлопоталъ объ ограниченіи неженатымъ и вдовымъ прелатамъ и каноникамъ, имѣющимъ ученые степени, къ достиженію епископскаго сана (а это преимущество, по уставу, составляло привилегію клириковъ главной семинаріи).

Таковы главнѣйшія обстоятельства, вызвавшія въ февралѣ 19 года на историческую сцену *коалицію* блага духовенства брестской и виленской греко-уніатской епархіи, въ лицѣ прелатовъ и канониковъ брестскаго капитула. Въ февральскомъ протестѣ капитула сказался высокій подъѣмъ нравственной силы блага духовенства, до сихъ поръ шедшаго на привязи у базилианъ. Борьба приняла серьезный характеръ. Въ первые четыре года перевѣсъ былъ на сторонѣ базилианъ: Булгакъ и его единомышленники умѣли усыпить князя Голицина представленіями, донесеніями, соображеніями, въ родѣ слѣдующихъ: *для блага духовенства вовсе не нужно высшего богословскаго образованія, довольно, если уніатскіе священники умѣютъ читать по славянски* (монахи же, по убѣжденію вожаковъ базилианъ, не обязаны знать славянскаго языка, и онъ давно былъ изгнанъ изъ студій), *капитулъ хлопочетъ о себѣ, а не о дѣлахъ церкви; прелаты мечтаютъ устраниваться на епископскихъ каведрахъ, чего нѣтъ въ греко-россійской церкви; благае духовенство хотя и бѣдно, но это не бѣда. Пусть, молъ, остаются нищими, для блага ордена. Да и самъ по себѣ, брестскій капитулъ учрежденіе незаконное, не существующее въ православной церкви (sic), какъ это доказываетъ историкъ Карамзинъ и т. д.* Ослѣпленные своею ци-

визиторскою ролью въ униі они не видѣли, что священники ходятъ въ рубищахъ и пятаются мякиною и жолудями! Но въ слѣдующіе четыре года (съ конца 1822 г.), когда императоръ Александръ круто измѣнялъ свою политику и свой взглядъ на западныя губерніи, когда быстрая реакція противъ російскаго библейскаго общества повалила официальные комитеты въ провинціяхъ и вызвала паденіе благотворительно-воспитательной системы князя Голицина, когда послѣдній замѣщенъ былъ Шишковымъ, намѣтившимъ планы для реформы учебной системы во всей имперіи на русскихъ національныхъ началахъ, когда дознанъ былъ вредъ отъ просвѣтительной дѣятельности латинскихъ монаховъ не только для греко-униатовъ, но и для римскихъ католиковъ — брестскій капитулъ ободрился и, одержавъ рядъ успѣховъ надъ Каминскимъ, своею рѣшительностію и настойчивостію помогъ правительству разрушить хитросплетенія базилианъ; твердость же національной политики императора Николая I окончательно разбила базилианскія цѣпи.

Такова, въ общихъ чертахъ, подготовка почвы въ литовской Руси для успѣха реформъ греко-униатской церкви. Вопросъ этотъ только намѣченъ въ статьѣ П. І. Б., по документамъ архива св. Синода и министерства народнаго просвѣщенія. Онъ требуетъ еще тщательной разработки въ деталяхъ. Но изъ положеній, приведенныхъ въ статьѣ П. І. Б., подтверждается старая истина, что всякая реформа въ Россіи только тогда имѣетъ успѣхъ, когда находитъ поддержку и сочувствіе въ самомъ правительствѣ. При надлежащемъ уходѣ, посѣянная на благодатной почвѣ сѣмена, не замедлили дать надежные плоды.

Но г. Кояловичъ переноситъ арену спора къ послѣдующему періоду греко-униатской церкви, когда мысль о *возсоединеніи* получила осуществленіе вмѣстѣ съ приведеніемъ въ исполненіе *реформъ церковныхъ*, т. е. съ возстановленіемъ чистоты греческаго обряда и внутренняго устройства церкви, согласно съ вѣроученіемъ восточной (а не латинской) церкви.

Никакого *униатскаго собора* въ 1834 г. не было, и приглашенія на *совѣщаніе епископовъ*, съѣхавшихся въ столицу впервые, для *посвященія ихъ въ этотъ санъ*, намъ неизвѣстны; ни въ од-

номъ отвѣтномъ письмѣ профессора Бобровскаго, какъ къ члену коллегіи епископу Сѣмашкѣ, такъ и къ предсѣдателю литовской консисторіи Тупальскому, не упоминается не только о соборѣ, но даже о предстоящемъ совѣщаніи. Самъ Іосифъ Сѣмашко говоритъ: „Присутствіемъ въ Петербургѣ всѣхъ униатскихъ епископовъ съ ихъ митрополитомъ воспользовался я для весьма важной мѣры. Въ 7 день февраля коллегія, совѣстно со всѣми епископами, положила: вмѣсто печатанія особаго служебника для униатскихъ церквей, принять для нихъ служебникъ и книгу молебныхъ пѣній, печатанныя въ московской синодальной типографіи и т. д.“ (Записки Іосифа, т. I, стр. 79). Можно ли назвать соборомъ то, что самъ автобіографъ считаетъ совѣщаніемъ, скрытымъ даже отъ министра Блудова. Упрекъ, совершенно незаслуженный, протоіерею Бобровскому объ отказѣ на подписку о воссоединеніи въ 1834 году, на которую въ это время согласны были только одни епископы, въ нашихъ глазахъ, является явнымъ отступленіемъ отъ хода событій. Отказъ Бобровскаго отъ епископскаго сана и отъ занятія официальной должности и, рядомъ съ этимъ, полная готовность его, оставаясь приходскимъ священникомъ, исполнить все, что отъ него потребуется въ дѣлѣ воссоединенія для общаго блага всей паствы, никакъ не вяжется съ обвиненіями г. Кояловича. Подробности отношеній профессора Бобровскаго, какъ къ дѣятелямъ по воссоединенію, такъ и къ вопросу о воссоединеніи, объяснены въ продолженіи біографическаго очерка, который скоро появится въ „Русской Старинѣ“²⁴⁾.

Мы признаемъ нужнымъ еще отмѣтить здѣсь только слѣдующее обстоятельство: 8 января 1830 года предсѣдатель консисторіи Тупальскій писалъ Бобровскому, бывшему тогда въ Вильнѣ, между прочимъ слѣдующее: „Для исправленія церковной службы въ нашемъ обрядѣ, я намѣренъ былъ хлопотать о составленіи въ Петербургѣ временнаго комитета, состоящаго изъ митрополита, епископовъ

²⁴⁾ У насъ имѣется письмо протоіерея Бобровскаго, отъ 6 января 1834 г., къ епископу Сѣмашкѣ, содержаніе котораго указываетъ на готовность его служить для блага своего клира, при своемъ пастырѣ, до послѣдняго вздоха своей жизни. (Сборн. пис. л. 29 на об.).

Мартусевича, Сѣроцинскаго, Сѣмашки, литовскаго офиціала (Тупальскаго). Васъ, М. Р., (т. е. профессора Бобровскаго) и двухъ провинціаловъ — литовскаго и польскаго; но я съ вами объ этомъ не условился, а вы, Illustrissimus, не будучи достаточно освѣдомлены, представили епископу Іосифу Сѣмашкѣ свои замѣчанія; теперь вижу мой проектъ неудавшимся, а чрезъ это на долгое время въ нашемъ служебникѣ будетъ путаница, которая можетъ привести къ дурныхъ послѣдствіямъ“ (Подл. письмо А. Тупальскаго. Сбор. 1. 1 об.).

И вотъ что отвѣчалъ на это М. Бобровскій Тупальскому, 18 января 1830 г.: „Относительно переѣмн богослужебныхъ книгъ я ни слова ни упоминалъ въ двухъ письмахъ къ епископу Іосифу Сѣмашкѣ и никакихъ особыхъ замѣчаній объ этомъ не подавалъ. Но въ свободное время предполагалъ сдѣлать замѣчанія на нашъ служебникъ и вамъ прислать. Неудача, постигшая вашъ проектъ о комитетѣ, доказываетъ только, что онъ не отвѣчаетъ основному плану реформы. И зачѣмъ намъ затруднять себя новою работою — исправлять богослужебныя книги, когда таковыя уже имѣются въ ютѣности и давно исправлены великимъ критикомъ патріархомъ Никономъ и другимъ православными и тщательно изданы въ Москвѣ и Киевѣ?“ (Сборникъ писемъ, л. 1 об.).

Не угодно ли сравнить это рѣшеніе ученаго униата съ проектомъ епископовъ на частномъ совѣщаніи въ Петербургѣ, спустя четыре года! Но мы и такъ зашли далеко.

Періодъ (1803—1827 г.), предшествовавшій реформамъ, за которыми послѣдовало воссоединеніе въ 1839 г., уже потому заслуживаетъ вниманія историковъ, что въ немъ главные и второстепенные дѣятели по воссоединенію получили свое образованіе и воспитаніе были при условіяхъ, крайне тяжкихъ для самаго существованія русской греко-униатской церкви. Такой подготовки не имѣли тогда польскіе униаты, и дѣло тамъ провалилось.

Историкъ обязанъ подвергнуть всесторонней критической оцѣнкѣ всякое явленіе въ жизни народа и каждому событію указать надлежащее мѣсто, каждому дѣятелю отдать должное.

Въ матеріалахъ бывшаго 2-го департамента р.-к. коллегіи

(по архиву св. Синода) и министерства народнаго просвѣщенія (но не въ архивѣ оберъ-прокурора — только) ижѣтся достаточно данныхъ для того, чтобы указать на крайне неблагопріятныя условія для самостоятельнаго существованія уни въ Россіи и представить ходъ и движеніе униатскаго вопроса *въ непосредственной связи съ государственной политикой и съ задачами народнаго просвѣщенія* отъ 1803 до указовъ 1827 и 1828 годовъ въ западной Россіи.

Профессоръ Козловичъ не желалъ понять мысли и цѣли статьи П. І. Б., въ которой нигдѣ не сказано, что воссоединеніе уни съ православіемъ было дѣломъ брестскаго капитула. Доказывается только выдающаяся роль капитула въ минувшемъ періодѣ исторіи, когда греко-униатская церковь подчинена была 2-му департаменту римско-католической коллегіи. Какъ извѣстные іерархи Лицковскій и Красовскій, такъ и брестскіе каноники, боролись съ базилианскимъ орденомъ за одни и тѣ же принципы, вовсе не думая о воссоединеніи. Своими дѣйствіями они снасли отъ совращенія въ латинство тѣ 1¼ милліона русскихъ, которые впоследствии воссоединены съ православіемъ и доказали свою приверженность греко-славянской церкви.

Мысль о воссоединеніи, *какъ следствие многихъ условий*, въ виду непрекращавшагося раздора въ іерархіи греко-униатской церкви, бѣдствій бѣлаго духовенства, явнаго намѣренія монашескаго ордена латинизировать греческіе обряды въ русской уни, явился впервые у императора Николая І, который въ своей политагѣ на первый планъ выдвинулъ національныя задачи²⁵). Членъ коллегіи Іосифъ Сѣмашко, будучи основательно подготовленъ ходомъ дѣлъ о реформахъ въ греко-униатской церкви, сопровождавшихся непрерывною религіозною и соціальною борьбою представителей двухъ направленій, въ своей запискѣ, 5 ноября 1827 года, разъяснилъ

²⁵) *Визель* «Воспоминанія» т. III. Еще команда гвардейскою бригадою, когда гвардія расположена была на квартирахъ въ Литвѣ и Вѣлоруссіи, в. к. Николай Павловичъ (въ 1821—1822 гг.) убѣдился въ бѣдственномъ положеніи свѣтскаго клира. Мысль свою о воссоединеніи онъ высказалъ Вязову въ 1827 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія записки І. Сѣмашки.

правительству тягостное положеніе дѣль въ церкви и явную для нея опасность, вслѣдствіе самовластия базилианъ и бездѣйствія епископовъ, и, призванный затѣмъ къ исполненію реформъ (которыя намѣчены были до него), блистательно исполнилъ сердечное желаніе императора о присоединеніи уніатовъ къ православію.

Дѣятели предшешаго періода, боровшіеся за спасеніе своей церкви, за восстановленіе чистоты греческихъ обрядовъ, за право на духовное образованіе свѣтскаго клира, за улучшеніе его быта, проживъ всю свою жизнь греко-уніатами, на склонѣ лѣтъ, понятно, и умереть предпочитали уніатами, предоставляя другимъ, болѣе молодымъ силамъ, дѣятельность въ новый періодъ жизни западнаго края, но большинство изъ нихъ, наиболѣе просвѣщенные, вполнѣ сознавали неизбѣжность паденія уніи и подчиненія своей церкви російскому императору, какъ „лучшему отцу насъ всѣхъ“, по выраженію одного изъ нихъ; для блага всей *паствы*, они покорились неизбѣжной необходимости и исполнили державную волю этого „самаго лучшаго отца“ своихъ подданныхъ. Были, конечно, уны, увлеченные надеждою на возможность сохраненія уніи съ очищенными въ ней обрядами, безъ базилианскаго ордена. И къ числу такихъ заблуждающихся принадлежалъ А. Сосновскій.—По порученію епископа Сѣмашки, предсѣдатель Тупальскій обязанъ былъ (съ самаго начала 1834 г.) доводить до свѣдѣнія протоіерея Бобровскаго, жившаго въ Шерешевѣ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, относящихся къ реформамъ. Сосновскому Бобровскій сообщилъ еще лѣтомъ 1830 г., что всѣ распоряженія, о которыхъ онъ знаетъ отъ самаго епископа, видимо клонятся къ единенію съ православіемъ. А затѣмъ, съ 1834 г. (послѣ подписки епископовъ) прямо и категорично пишетъ, что уже „конецъ уніи“, „что все уже кончено“ и т. д. Получивъ извѣстіе о смерти Булгака (23 февраля 1838 г.), Бобровскій письмомъ свое, 21 марта, начинается и оканчиваетъ выраженіемъ: „уже пробилъ послѣдній часъ уніи“. Всѣ молодые сотрудники воссоединенія (главные и второстепенные) вышли изъ школы борцовъ предыдущаго періода—періода борьбы за цѣдность церкви и необходимость реформы обрядовъ (какъ уже давно было сдѣлано у уніатовъ западныхъ сла-

внѣ), и всѣ они, съ Іосифомъ Сѣваскиемъ во главѣ, съ благодарностью вспоминаютъ о своихъ наставникахъ, въ свое время и для своего вѣка много потрудившихся и не мало выстрадавшихъ. Потомство не имѣетъ никакого основанія, а тѣмъ менѣе права, упрекать дѣятелей въ эпоху политической смуты и религіозной борьбы въ западномъ краѣ, когда даже сами русскіе сановники оказывали покровительство латынству и полонизаціи, — за то, что эти перодовые уніаты тогда-же не стремились еще къ воссоединенію!

Не могу не привести въ заключеніе своего объясненія нѣсколько строкъ изъ полученнаго мною письма одного изъ просвѣщенныхъ уроженцевъ западной Россіи (да проститъ мнѣ писавшій), выражающаго спокойную и безпристрастную оцѣнку фактовъ, содержащихся въ нашемъ трудѣ:

„Съ большимъ интересомъ читаю ваше изслѣдованіе, проливающее новый свѣтъ на событія, *подготовившіе* воссоединеніе западно-русскихъ уніатовъ: оно возстановляетъ *историческое безпристрастіе въ оцѣнку мѣры заслугъ* дѣятелей, обосновавшихъ, выполнившихъ и завершившихъ монументальное историческое зданіе. Какъ часто піонеры великихъ историческихъ предпріятій и настоящіе виновники вѣковѣчныхъ дѣланій *скрываются подъ забытыми могильными курганами* и имена ихъ еле мерцаютъ между яркими историческими именами, пріобрѣтшими извѣстность“.

„Вашъ взглядъ на *предшествовавшія* воссоединенію событія *совершенно совпадаетъ съ духомъ живаго еще преданія*, и это, кажется, лучшій критерій исторической правды: общественное самосознаніе и общественная совѣсть рѣдко ошибаются“.

Всякій шагъ впередъ науки, по мѣрѣ открытія новыхъ документовъ, будетъ, по нашему убѣжденію, болѣе и болѣе способствовать сближенію дѣятелей двухъ различныхъ періодовъ, органически неразрывно связанныхъ между собою, не смотря на то, что отцы не во всемъ сочувствовали своимъ дѣтямъ, наставники своимъ ученикамъ — и это такъ естественно; всякій шагъ въ наукѣ еще болѣе утвердитъ истину, что отцы и дѣти, учителя и наставники изъ среды здоровой части западно-русскаго духовенства, сохранившей

жреданія русско-славянскої старини, работали въ одноѣ и томъ же направленіи (при условіяхъ неблагопріятныхъ—одни, при условіяхъ вполне благопріятныхъ—другіе) для *общаго блага всей русской нации*, и съ спокойною совѣстью старые пошли, рука объ руку съ молодыми, — къ единенію съ православіемъ, — признали, что самый лучший отецъ русскихъ уніатовъ находится не въ Римѣ, а въ столицѣ російской православной державы, — и торжественно преклонили свои покорныя головы передъ Царемъ единой православной Россіи.

П. І. Вобровскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки